

JOHN HALL



МЭЙСОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БОИ ТРУПАНОВ

18+

John Hall Мэйсон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69962803

SelfPub; 2023

Аннотация

В мире, где все виды развлечений изжили себя, благодаря науке появились эксгуматоры и, как следствие, новый вид боев.

Содержание

Церемония открытия	4
Первый бой	19
Второй бой	34
Третий бой	49
Четвертый бой	70
Финал	87

John Hall

Мэйсон

Церемония открытия

– Как бы вы отнеслись к... ну, если бы вам сказали, что вы – всё? Спеклись? Ну, превратились в труп, который потихоньку гниет себе и разлагается. Который просто лежит где-нибудь около трассы в высоких зарослях борщевика, куда без специального костюма не сунется ни один здравомыслящий человек. Или, к примеру, что вы окунулись под воду с бетонным башмаком или гирей весом в несколько пудов? Как вы отнеслись бы к тому, что вы уже мертвы, но при этом ваше тело еще как бы есть и еще пригодно к тому, чтобы выполнять некоторые функции и действия? Как бы вы отнеслись к своей смерти, зная, что вы превратились в товар наподобие куска мяса... Да, пусть разлагающегося, наделенного неприятным запахом и остальными, присущими трупам, атрибутами типа пятен, вздутого кожного покрова, стеклянными глазами и так далее.

Вот как бы вы к этому отнеслись?

А я скажу, как – вы бы ужаснулись. И раньше люди то и дело ужасались подобному, сейчас же воззрения стали куда проще и легче. Трупапы работают у нас в шахтах, на складах

и так далее. Короче, тяжелая физическая работа, в большинстве своем, теперь лежит на разваливающихся плечах, пока те действительно не отвалятся. А еще, но это отдельное представление, мы устраиваем бои гнилушников, и вот тут все куда интереснее! Кажется, именно эта отрасль поддерживает жизнь в когда-то придуманном механизме воскрешения!

Всем привет! Меня зовут Мэйсон, и я расскажу вам немного о боях, в которых главные звезды – трупаны!

Все очень просто! Ты берешь своего родственника, оживляешь и начинаешь клепать из него машину для убийств. Ты можешь купить чужого родственника и попытаться удачу с ним. Ты можешь даже попытаться купить того, кто при жизни был бойцом! Правил нет, есть только ваши способности к платежеспособности, хирургии и фантазии, что позволит вам собрать идеального, не живого, но и не до конца мертвого, бойца!

Многие считают – чем свежее мясо, тем лучше оно способно к участию в боях, но истинные тренеры трупанов знают, что нет ничего лучше реального гнилушника, от которого остались только мозг и куча кусков от других бойцов! Поэтому единственное, за чем действительно следят эксгуматоры – мозг! Вот с этим органом они проводят много времени, обеспечивая его сохранность, в связи с чем в последние несколько лет стало модным делать черепную коробку разных форм, из разнообразных материалов, и показывать, в насколько хорошем состоянии думалка гнилушника!

Конечно же, в этой отрасли есть свой черный рынок. Он подразумевает под собой убийства реальных бойцов, попытки достать или синтезировать мозги чемпионов прошлого из генетического материала и, конечно же, просто продажа частей тел тех или иных звезд! Так, к примеру, одно ухо Тайсона давно сгнило на одном из первых бойцов, а второе, ну, ничего так... до сих пор хранится вместе с остатками трупа у какого-то богатенького засранца!.. Но мы не будем называть всем известных имен! Ха!

Проследуйте за мной, и я покажу вам закулисы нашего шоу! И я могу себе это позволить, потому что я – учредитель и ведущий, потому что я – главный спонсор и зло в глазах института повторного использования, потому что я – бессменный и такой же гнилой своей душонкой, как и все гнилушники, которых вы увидите!

Я – Мэйсон, дамы и господа, и сейчас мы пройдем в раздевалку, она же закулисы, она же «комната для тренировок атлетов» где мы сможем не только насладиться ужа-а-асным, но и прекрасным в то же время внешним видом лучших из лучших в этом году! А теперь, Джимми, дай мне камеру... Ага, вот так! Молодец, мальчик! Надевай куртку, потому что в морге будет холодно!

Да! Мы не забываем о том, что в местах, где работают бывшие живые, поддерживается отрицательная температура, чтобы избавиться от запаха и быстрого разложения! Так, к примеру, отдав своего нелюбимого дядюшку, после его

смерти, конечно, на каторгу, то бишь на завод по производству, опять же для иллюстрации, допустим, пластика, вы должны знать о том, что он пусть и будет гореть на работе под управлением искусственного интеллекта, но на самом деле вы отправите его в самый последний и холодный из кругов ада! Хотя многие из вас при этом подумают про дядюшку: «Так этому мудаку и надо! Он при жизни не был одуванчиком, так после смерти теперь отработает в полном объёме!»

Так, возьми камеру... ровнее... ровнее держи! Вот так... А теперь куртку накину я, и мы зайдём в стерильное помещение, где всегда минус пять! Так же, как и в других местах работы трупанов, куда время от времени приходят мастера по телам и программисты, чтобы оживить обстановочку! Ха! Если вы понимаете, о чем я! Кхм... Заходим, и вау! Посмотрите, какой огромный ангар! Посмотрите на эти палатки, возведённые для живых команд неживых участников! А всего их здесь восемь, и только двое смогут стать крайними! Самые сильные, самые хорошо склепанные и сшитые, самые хорошо укомплектованные и запрограммированные! И из этих двух, как вы понимаете, только один сможет забрать главный приз, и что вы думаете, каким он будет?! Конечно же, бабки! Так что не забывайте, если ваш... или чужой родственник вам докучает, необходимо просто немного подождать!

А пока я вам рассказывал о том, что вы и так знаете, это было для развлечения и чтобы убить время, которое было

потрачено на дорогу! А сейчас мы подходим к первой палатке, около которой сидит целый штат людей в белых пуховиках в пол! И перед ними, – а теперь и перед нами и вами! – гнилушник с кличкой «Хирург»!

Джимми, сними эту машину поближе! Эти зубы в ореоле отсутствующих губ! Ужасает, не так ли, мой искушённый зритель?! Ха-ха! Давайте обратимся к главному тренеру. Его зовут Нал! Нал, расскажите нам, как вы улучшили своего батюшку с последнего визита на арену?! Насколько я помню, тогда ему неплохо так досталось, и вот этот шар из непробиваемого стекла был практически пробит смачным ударом топора! Сколько времени потребовалось, чтобы все восстановить?! И чем порадуете нас сегодня?

– В общем... – тяжелый, басовитый голос врезается в микрофон, который протягивает Джимми. – Батя в прошлый раз нехило так огреб! Пришлось повозиться, заказать новый корпус для мозгов. Этот, кстати, пятислойный, и ты можешь обратить внимание, что теперь намного толще и... ну... Ты просто глянь на этот аквариум! Теперь это – прекрасное оружие! – Нал ржет. – Вообще, батя был большим поклонником всех этих боев и перед смертью, в завещании написал свое последнее желание типа: «Хочу стать гипер-трупаном!» и вот теперь, с таким разрушительным шаром на куполе, он реально стар «гипер» – большой мужчина с крупными руками кладет ладонь гнилушника на стеклянный футляр для хранения подключенных к телу и пульта управления моз-

гов. – Но это еще не все, и с этим тоже пришлось повозиться. Давай сюда, Мэйсон! Присядь-ка, ага! Кароче, зырь! Вот, казалось бы, нога. Вот шов, который через всю заднюю поверхность идет прямо к тазобедренному, да?! Сейчас... Вот так вот отщипну пару скоб и!.. Пацаны, дайте расширитель или хотя бы диссектор и фонарик!

Его грубоватый, простой говор вгрызается в мозг, в микрофон, в мысли тех, кто смотрит прямой... или почти прямой эфир.

– Смотри, видишь вон там, черное?! Это, короче, иридий. Не чистый, конечно! Я не могу себе позволить столь дорогую игрушку для бати... кхм... Короче, весь его таз и обе ноги состоят из вот этого металла, и только одна чудо-штука! Смотри, только чуть подальше отодвинься! Смотри, видишь, вот эта нога толще? Значительно толще?! Кароче, секи! Вот тут у него просто иридиевая голень, а тут реальные кости, покрытые иридием, и ты никогда не поверишь, чьи именно малая и большая берцовые! – Нал громко смеется, отыгрывая на камеру и повернувшись, чтобы посмотреть в объектив. – Малая берцовая принадлежала Бенни Уркидесу, а большая – от Гуто Иносенте! Достать обе было сложно, но такой подарок батя оценил бы, и я верю, что эти две частички кикбоксинга принесут нам победу!

– То есть больше ничего нет? Никакого оружия? Никаких булав и прочего? Только голова и только ноги? Ха!

– Ну, я же не должен рассказывать о всех секретах, ведь

так? – Нал загадочно улыбается, и я доволен таким ответом.

– Прекрасно! Рад слышать, дружище! Рад слышать! В таком случае, уверен, нас ждет прекрасный бой, который начнется спустя двадцать минут! А за это время я успею представить твоего оппонента, заказать чашечку кофе и выпереться на арену! Давай, дружище!

– Пойдем, Джимми! Нам еще надо много всего успеть сделать перед тем, как я объявлю первый бой! Я в предвкушении прекрасного зрелища, в котором два трупана сойдутся в битве, и, кажется, эти будут на равных! А что думаете вы, дамы и господа?! Кем станет противник Хирурга? Каковы его сильные и слабые стороны? Кого против этой машины для выведения из строя другой такой машины выбрала сама судьба?! Ведь в этот раз жеребьевка была тайной, и мы намерены сохранять интригу до самого финала! А Хирург... Поскольку он выходит первым, я решил подогреть ваш интерес! И как, подогрел?! Подушки под задницами стали теплее? Ну, главное, чтобы только ваши подушки, а не наши ангары, иначе мы все тут задохнемся! А-ха-ха! Аж потемнело в глазах от этого юмора!

Джимми ржет как конь. Камера трясется. Я за этим наблюдаю. Мне это и нравится и не нравится одновременно.

– Ладно, пойдем к кофемату – и потом на сцену! К этому моменту как раз надо будет делать шоу! Самое настоящее! С гнилушниками в главной и единственной роли. А вы, мои дорогие зрители, должны немного посидеть на линии и, к

примеру, посмотреть новости нашего мира! Увидимся после небольшого перерыва! – щелкаю пальцами в направлении объектива, и спустя секунду привычной улыбочки Джимми снимает камеру с плеча и, схватившись за специальную ручку, опускает на уровень середины бедра.

– Дай сигарету, – хриплю я. – Я уже изрядно затрахался скакать перед камерой, но никто, кроме меня, этого делать не станет. И смотри, будь аккуратней во время съемок в ангаре. Мне надо будет поговорить по поводу договорняка. Сразу резко вырубает камеру и сливаешься куда-нибудь подристать, понял? – спрашиваю я, мутно смотря на Джимми.

Он, с тупорылой улыбочкой на круглом личике, вылизанном всякими кремушками и лишенном мужественности, смотрит на меня зелеными глазками, контрастирующими с белыми жиденькими волосиками. Кивает, быстро и как-то манерно. Достает из узких джинсов пачку красных. Протягивает мне одну. Потом зажигалку на вытянутой руке, типа, я подкурю.

– Парень, дай сюда эту хрень. Я и сам в состоянии чиркнуть и затянуться. Можешь так не волноваться. – говорю я, искоса смотря на это лицо, которое меня раздражает и которое мне как раз поэтому и нравится! Чем более мерзкий оператор бежит за мной во время чемпионата, тем лучше! Дело в том, что таким образом появляется энергия, столь необходимая для конференсье.

Затягиваюсь. Выдыхаю. После, молча махнув рукой, зову

за собой. Спустя минуту закидываю две монетки в кофемат. Тот последовательно выплевывает две чашки и наполняет их до краев. Делаю затяжку, выдыхаю. Делаю глоток. Приятно обжигает. А в следующий миг – кайф! Вязкий, как слюна на подбородке, когда ты рубанулся за рабочим компом и повесил голову.

– Ладно, Джимми, идём! Надо рассказывать о традиционном открытии последнего тура боев, соответственно, демонстрировать это и дальше; потом перейдем к бою Хирурга и... – вижу, насколько сильно он напрягся от волнения и предвкушения того, что раньше остальных узнаёт, кто составит пару первому конкурсанту. – ...Узнаешь кого! – смеюсь. – Об этом знают только сотрудники арены, никто кроме! Ни единый оператор! – смеюсь, докуриваю, бросаю окурочок под ногу, давлю и поворачиваю стопу, размазывая по бетону. – Ладно! Идём! Как раз успеваем!

Двумя большими глотками допиваю кофе из стаканчика, выкидываю в урну. Джимми повторяет за мной, и мы буквально бежим на арену. Там останавливаемся на самом выходе, оператор закидывает камеру на плечо. Тупо лыбятся мне. Думаю: «Как же ты меня бесишь, белёсый! Как же ты меня раздражаешь! Твоя рожа, волосики, манеры и все остальное!», при этом натягивая улыбку на лицо. Причём Джимми свято полагает, что мне все нравится! А единственное, что мне нравится, – то, как меня подрывает от ненависти к этому пареньку! И с мыслями о ненависти, заряженный, я

толкая тяжелые створки двери, чтобы выйти на огромного размера арену.

– И-и-и, дамы и господа! С вами снова я и мой оператор Джимми! Прекрасный парень! Очень талантливый! – произношу я сквозь зубы. – И сейчас мы должны провести церемонию открытия! В чем она заключается?!

Вокруг арены, на высоте пяти метров, творится безумие. Здесь сидят зрители первого круга – все те, кто смог позволить себе билет. Они в один голос кричат: «Фут-бол! Фут-бол! Фут-бол!» и стучат руками и ногами.

– Правильно! А сейчас церемония открытия, которая характеризуется одним коротким словом «футбол»! – смеюсь я. – И как всегда, в этом году церемонию открывают прошлогодние номер один и номер два! Главный победитель и тот, кто ему проиграл! Точнее, его голова, и все вы прекрасно знаете о том, что будет дальше!

Мне приносят огромный холодильник. Я его открываю. Достая оттуда голову. Это голова проигравшего с прошлого года. Её я устанавливаю на специальный постамент. За мной пристально наблюдают глаз камеры на плече оператора Джимми и миллионы, миллиарды зрителей, которым транслируется это зрелище.

– А теперь поприветствуем победителя прошлого года! Кто помнит, как его зовут?

– Большой папочка! – кричит толпа, расположившаяся в нескольких метрах от земли.

– Пр-р-равильно! – отвечаю я заведенной толпе, и в этот момент за моей спиной открывается дверь холодильника, откуда кое-как выходит гнилушник, управляемый маленькой девочкой в розовом платьице и плотной курточке поверх. – Поприветствуем Доченьку, которая в прошлом году показала великолепные способности к управлению некогда живым организмом! – сообщаю я, после чего обращаюсь уже к оператору: – Джимми, пойдем за мной, чтобы лично поприветствовать юную особу, что показала всему миру, как можно рубить и кромсать и при этом быть маленькой девочкой! – и конечно же, этот белесый, противный, мерзкий во всех отношениях тип тащится за мной, даруя одним только внешним видом энтузиазм и вдохновение работать.

– Здравствуй! Как твои дела?! – обращаюсь я к той, чей псевдоним Доченька. – Ты подросла за прошедший год! А вообще, я удивлен, что ты не принимала в этом году участие! Почему ты не привела Большого папочку?

– Потому, что он теперь работает в другом месте! – девочка мило улыбается на камеру, и от этого не по себе. – Потому, что лучше уйти победителем и остаться таким навсегда, чем скатиться, как тот, чья головешка сейчас находится во-он там! – она указывает пальчиком в сторону установленной мной на постаменте головы, и если бы это была взрослая девушка или женщина, которая выбрала себе такой, достаточно странный сценический образ, было бы не так жутко, а тут аж дух захватывает! И тот холод, та злость в глазах

просто обескураживают своим наличием в столь крохотном теле... Но есть кое-что еще, что пугает не меньше: Доченька понимает, что делает, и получает от этого удовольствие.

– Ладно-ладно! Я не стану допытываться, чем же теперь занимается Большой папочка! Да и наши зрители уже ждут и с трудом остаются на местах! Уверен, все хотят увидеть полет головы! А если твой трупан сможет разбить её при ударе... ты навсегда останешься в сердцах наших зрителей! – произношу я и наблюдаю за тем, как девочка проводит язычком по губам, чтобы сказать следующее:

– Ты, Мейсон, читаешь мои мысли! У меня кое-что припасено специально для этих нужд!

Девочка управляет своим папочкой при помощи пульта. Её небольшие, но очень ловкие пальчики искусно передают гнилушнику все команды, и тот их выполняет, занимая место для удара. Джимми снимает это, бегая вокруг как заведенный или так, словно ему задницу намазали «звездочкой».

Девочка с псевдонимом Доченька разгоняет своего трупана. Тот пробегает несколько метров и замирает на месте, далеко заведя ногу назад для удара. Далее девочка нажимает на пульте на какую-то кнопку, и происходит следующее: из пятки Большого папочки начинает валить огонь и дым, благодаря этому нога сдвигается с места и направляется к голове.

Спустя секунду: треск, гнилушник взлетает вслед за ногой, делая смачное сальто в сопровождении костей, мозгов,

стекла и пластика головы прошлогоднего номера два. Большой папочка взлетает над землей под действием турбонаддува как прекрасная, смертоносная, ужасная птица, в обрамлении небольших частичек того, что еще год назад позволяло трупану двигаться, принимая радиосигналы с пульта управления.

– Ух! Них... рена себе! – с трудом успеваю заменить слово на более предпочтительное для цензуры, при этом в голове звучит: «Значит: смерть, жестокость, секс и наркоманию по ТВ пропихивать можно, а мат – не-е-ет! Мат совращает это общество до убийств, употребления и блядства! Конечно!»

Турпан делает живописное сальто, приземляясь на одну ногу и коленом упираясь о землю. Доченька быстро отключает стики и жмёт на кнопки, чтобы её игрушка резко подняла голову и посмотрела прямо в камеру.

Джимми ловит это действие, давая мне повод его похвалить, даже несмотря на мою лютую к нему ненависть, вызванную внешним видом.

– И этим прекрасным кадром нашего Джимми мы начинаем ежегодную битву! – кричу я голосом, полным торжественности, и в этот момент с краев арены, по кругу, появляется бесчисленное количество бенгальских огней, которые искрят во все стороны, делая представление открытия каким-то магическим действием поклонения хтоническому богу.

Доченька удаляется туда, откуда пришла. Эта маленькая

особа получила не только свои славу и почет, она также получила свои деньги, которые заработала честным трудом... Хотя мне сложно говорить о честности в таком деле, как бои гнилушников, особенно с учетом наличия продажных боев там, где жребий распорядился самым не гуманным образом.

– Ну что ж, дамы и господа! Мной уважаемая публика и те, кто смотрят нас по ящику! Делаем небольшой перерыв и начинаем столкновение интересов, битву уже не живых! И спустя несколько минут вы увидите противника Хирурга! У-у-у! Я вам обещаю, зрелище будет незабываемым! – обращаюсь я к камере, которую на своем плече, упираясь жирной щечкой, держит оператор Джимми, который мозолит мне глаза и вызывает такой поток негатива, который достаточно неплохо позволяет вести нынешнее представление.

Парень жмет на кнопку и одновременно с этим кивает мне – это условный сигнал о том, что теперь можно расслабить лицо и перестать лучезарно улыбаться. Как только это происходит, мне автоматически становится легче. Как только лицо расслабляется, я чувствую, насколько устал от этой работы, и это паршивое чувство, потому что я сам все создал.

– Ладно, парень, нам надо подняться в комментаторскую, потому что здесь за всем наблюдать будет опасно, но если ты хочешь, можешь остаться и попробовать поснимать уникальные и крайне редкие кадры. Опять же, за твою сохранность я отвечать не стану. Это твой личный выбор, – произношу я уставшим голосом.

– А знаете, мистер...

– Просто Мейсон...

– А знаете, мистер Мейсон!.. – произносит он, и я чувствую, как зубы соскребают друг с дружки верхний слой эмали. – Я останусь! Я не сыкло и хочу получить в свое портфолио уникальные кадры... В принципе, только поэтому я и согласился работать с таким моральным уродом, как вы.

На его лице раздражающая меня милая улыбка, которая плохо сочетается со сказанным.

– А вот это мне нравится! – отвечаю я. – Твое отношение ко мне и твоя внезапная честность мне нравятся, Джимми! Я даже готов поставить тебе бокал пива и послушать побольше, но пока что нас зовет дело. Так что, раз решил остаться, оставайся! А я пошел в рубку комментатора!

Мне действительно нравится та ненависть, которая просочилась в мою сторону. Она дает мне какой-то новый заряд сил, настроения и мотивации к тому, чтобы работать.

– Давай, Джимми, работаем! Нас ждет тяжелый вечер! Огромное количество боев, мясонины, эксгуматоров и их трупанеток, прелесть и ужас которых тебе будет необходимо показать, а мне – озвучить! Так что шевели своей жопой, скоро начнется первый бой! – смеюсь я, крича в коридоре и слушая, как эхо уносит мои слова оператору Джимми, который бесит меня одним своим видом.

Первый бой

– Итак! Дорогие зрители боев трупанов и гнилушников! На нашей арене температура ниже нуля, что не позволяет завоныться и что держит нас в напряжении, но поверьте, скоро станет жарко даже в холодосике! А сейчас давайте встретим нашего первого претендента! Любимца публики и просто отличного бойца по и-и-имени Хирург! – произношу в микрофон, одновременно с этим наблюдая за фасеточным глазом огромного количества небольших мониторчиков, которые в живом режиме показывают мне направления, углы, ракурсы, освещенность и все остальное, из чего сразу клепается картинка для конечного зрителя. – Что у этого громилы с руками?! Ничего?! Что у него с ногами?! Они модифицированы по самые яйца! – смеюсь я. – Но сможет ли ему это помочь?! Сможет ли он устоять против своего противника?! – спрашиваю я, и в прямой эфир запускается множество голосов публики, что находится над холодильником, на самых дорогих местах.

Зрители этого представления то и дело что-то выкрикивают, смеются и создают эффект присутствия живого зала, что наблюдает за эксгумированными и переделанными останками ради получения славы, денег, подписчиков и так далее.

– Посмотрите на то, как двигается этот кусок мяса ! Вы посмотрите на размах. Просто наблюдайте за скоростью!

А также обратите внимание на высоту прыжков! Это великолепно! И это великолепие в скором времени встретится со своим оппонентом. И кто им стал?! – смеюсь, сверкая белыми зубами, не так давно вставленными вместо тех ужасных отростков, что были частью меня в течение всей жизни. – Согласно жребию! Согласно дуновению ветра судьбы! Согласно случаю Хирург встретится с нашим участником, которого зовут Бабуленька!

Толпа зрителей отправляет в холодильник сильнейшую звуковую волну, поймав которую, хрустальный сосуд в мгновение ока превратился бы в пыль. Одновременно с этим открывается еще одна дверь холодильника, и на арену выходит скорчившаяся старушка под управлением молодого красавчика с прической, зализанной со лба до задницы. Он управляет своим гнилушником, специально создавая эффект живой старушки, что вышла прогуляться, сесть в автобус, до конечной и обратно в час пик рабочего дня, но все прекрасно знают, что это лишь часть представления, что это краткий момент перфоманса с его стороны.

– Оу-у-у! – смеюсь я. – Да на арену полетели лифчики и трусики! – и на самом деле, из своей рубки я наблюдаю за тем, как со всех сторон в направлении высокого парня со смазливym личиком, что ведет перед собой труп старушки, летит нижнее белье. – Мы все в курсе, насколько он популярен среди девушек, а знают ли они об его истории и о том, что его боец – это его бабушка, которая отдала все наследство

своим котикам?! – смеюсь ещё громче. – В качестве мести он решил хоть как-то заработать на ней денег и стал одним из фаворитов наших боев! Дошел до финала, и теперь ему предстоит несколько отборочных боев! А как вы, наши зрители, относитесь к решению нашего участника касаясь своей с ума сошедшей бабушки?! – спрашиваю я и переключаю общее изображение с камер на арене на камеру Джимми, что бегаёт туда-сюда в попытке сделать бесценные кадры.

Честно говоря, мне нравится его работа. Он действительно ловит неплохие ракурсы, и это стоит того, чтобы вывести их на экраны всех зрителей.

В ответ на мой вопрос я слышу ответ от публики. Его мне приходится пропустить через призму программы цензуратора, потому что собравшиеся кричат: «По-хуй! По-хуй!», и я понимаю причину: всем действительно наплевать на то, каким образом на арену попадают трупаны и их кукловоды. Скажу больше: чем грязнее, чем ужаснее история участника, тем больше аудитория, наблюдающая за ним. Вот такой парадоксальный подход публики к выбору кумиров.

«А потом удивляются причинам, по которым общество – камень Сизифа, – думаю я про себя, продолжая демонстрировать людям кадры Джимми и запустив музыкальное сопровождение. – Ладно, пора продолжить наше шоу. В этот раз я хочу закончить поскорее, потому что мне не очень интересно наблюдать за боями. Я откровенно устал... – вместе с этими мыслями начинаю обратный отсчет перед возвраще-

нием не только голоса в рамки шоу, но и своего лица на экраны зрителей. – Ноль... »

Вместе с этой мыслью начинаю радостным голосом вещать о том, что претендентам необходимо закончить красоваться и пора занимать места для начала сражения.

– Итак, дамы и господа, господа и дамы! Сейчас мы станем свидетелями первой схватки на нашей замечательной холодной арене! – произношу я, разделяя экран на четыре части и помещая свою физиономию небольшим квадратиком в самом углу. – Посчитать мне? Быть может, посчитаете вы?! – замираю, слушая, как возмущенные голоса зрителей лезут в рубку подобно тому, как вирусы пытаются пробраться в организм через поры. – Ладно-ладно! Я задам темп, а вы считайте до трех! – играю голосом, и толпа в тот же миг затихает. – Готовы?! – взрывное «Да» приглушенным ором проникает в небольшое помещение над ареной. – Три!.. – произношу я и толпа подхватывает «три». – Три!.. – спустя небольшую паузу повторяю я, и вновь публика подхватывает сказанное мной «три». – Три!..

Теперь люди знают темп, с которым надо считать. Они знают и понимают временной отрезок, и спустя заданный мной интервал я слышу: «Два!» – и сердце поет.

– Один! – кричит толпа, и я касаюсь подушечкой указательного пальца кнопки огненного взрыва вокруг арены, который скажет оппонентам о том, что им пора кромсать друг друга на кусочки, стараясь по-максимуму сохранить своего

бойца для одного или даже двух боев в том случае, если получится пройти в финал.

– Бо-о-ой! – кричит толпа, и одновременно с этим я жму на кнопку, чтобы столбы огня поднялись с уровня земли до уровня сидящих за специальным бронированным стеклом.

Таким образом, первый бой начат, и два гнилушника направляются друг к другу, и тут я понимаю, что необходимо начинать комментировать события. Делаю глубокий вдох, и первое, о чем говорю:

– Кто же нанесет первый удар?!

Бабуленька берет трость, при помощи которой выходила на арену, и начинает раскручивать её. Спустя доли секунды данная приبلуда становится похожей на огромное скопление лезвий, соединенных между собой цепью, звенья которой сделаны из прочной стальной проволоки. Бабуленька вращает этим оружием во все стороны и становится похожей на небольшой смертоносный шар, который перемелет любую материю, попавшую в область действия. Парень, который остался без наследства, смеется. Его пальцы прыгают с джойстика на клавиатуру и обратно. Он решил залезть на островок безопасности, предназначенный для труповодов. Оттуда лучше видно арену, если смотреть на всю картину, но куда хуже видна ситуация в бою.

– И Бабуленька, словно хлыстом, бьет в направлении правой руки Хирурга. Тот ловко перехватывает оружие и наматывает на кулак, но... у-у-у! Это прекрасно и отвратитель-

но одновременно! Это козырь, припрятанный Бабуленькой! Это нечто, чего у неё никогда прежде не было! Это не сравнится с религиозным томиком с небольшими водородными зарядами, которыми она разнесла своего первого оппонента, не оставив от него мокрого места! Это нельзя сравнить с очками для подсчета налогов, половинки которых превращались в бумеранги с лезвиями и точно подпиливали кости! Это даже не та электро-авоська, что испепелила трупана Тру-мана, – произношу я с восторгом в голосе.

Внучок нажимает на клавишу на клавиатуре, и тот секционный меч, полученный из трости, начинает вращать лезвия, превратившись в подобие какой-то бензопилы. Рука Хирурга в миг испаряется.

– Чем сможет ответить громила, который в два с половиной раза выше Бабуленьки?! – спрашиваю я, наблюдая за тем, как Хирург отступает назад.

«Кажется, Нал нервничает... Он не ожидал такой подачи. Он даже не мог подумать о подобной подготовке».

– Кажется, сейчас наш участник пытается придумать способ атаки, контратаки или защиты. А пока что он вынужден отступать и отпрыгивать, на данный момент он только и может, что прыгать из стороны в сторону, и хочу сказать, это потрясающе! Эксгуматоры явно вышли на новый уровень, учитывая те скорости, на который теперь двигаются гнилушники! Вы посмотрите на плавность движений! Это великолепно-о-о-о! – кричу я, и аудитория над ареной взрывается вос-

торженными криками. – Кто бы мог подумать?! Кто бы мог предположить, что таким образом Хирург сможет нанести удар по Бабуленьке?! Да еще такой мощный! А я сомневался в тех преобразованиях, на которые Нал сделал ставку в этот раз! Я несколько скептически отнесся к его заявлению об отсутствии оружия, но эти ноги! Вау! – меня переполняют эмоции, отгоняя усталость.

Бабуленька летит через пол-арены и смачно прикладывается спиной к непробиваемому бетонному бортику. Если бы она была живой, то уже точно не осталась бы таковой.

– Удивительно! – кричу я. – Вы только посмотрите на то, как тело сползает вниз! И, кажется, Внучок внезапно выбы... – я поспешил с выводами и теперь вынужден быстро остановиться, потому что продолжать должен голосом, полным удивления и азарта. – Нет! Не-е-ет! Не может быть! Вы только посмотрите на этого престарелого монстра, отписавшего всю недвижимость и счета в банках на кошек! Он не только спокойно сползла на землю, она продолжает двигаться! – при этих словах кукловод по прозвищу Внучок начинает красоваться, поворачиваясь в разные стороны и поправляя прическу. – Вот это номер! Вот это круто! А я-то уже подумал, что после первой контратаки мы завершим бой и не сможем насладиться зрелищем, но нет! Вы только посмотрите на то, что сейчас происходит на арене! – кричу я в небольшой микрофон, который автоматически подгоняет децибелы под нормальный для восприятия человеческим ухом уровень. –

Бабуленька размахивает своим мечом-хлыстом-мясорубкой и вновь уверенно направляется к Хирургу, у которого осталась всего одна рука, чтобы повторить свой атакующий прием!

Я смеюсь. Люди, что сидят на подушках над ареной, смеются тоже, а в это время старушка-гнилушник, управляемая своим родственником, начинает размахивать вращающимся оружием справа-налево и обратно. Спустя несколько секунд она бросается в устрашающий пляс, от которого мурашки бегут по спине.

«Этот сукин сын умеет делать красивое шоу!» – думаю я, надеясь на победу паренька. Я прекрасно знаю, что с ним четвертьфинал и, быть может, финал станут крайне зрелищными и веселыми.

– Так, что это?! Джимми, мне кажется или... или откуда-то звучит музыка?! – спрашиваю я и переключаюсь на камеру отвратительного своей внешностью наемного оператора, который получит очень приличный оклад за проделанную работу... если не подохнет.

– Да! Музыка звучит от Бабуленьки Не знаю, каким образом и для чего, но этот игрок вмонтировал в неё музыкальную систему, из которой орет что-то древнее, раскатистое и пока что медленное... Но это что-то начинает ускоряться, и вместе с этим... О да! Она начинает двигаться все быстрее и быстрее, под стать сопровождению! – взбудораженно, возбужденно отвечает Джимми, используя микрофон со своей

камеры.

– Да ладно! – отвечаю я, наблюдая приближенную съемку с места событий. – Ты посмотри внимательней! Она не только туда-сюда вращает и перекидывает свое оружие, она еще и пританцовывает при этом! – произношу я, на секунду теряя самообладание. – Дамы и господа! Вы – свидетели исторической х... – сдерживаюсь и быстро перенаправляю мысли в цензурное русло, используя слово «херомагии».

Тем временем Джимми не боится подойти поближе. Кажется, я с удовольствием насыплю ему на хороший чай с парой грамм после того, как все закончится, потому что этот мерзкий тип выполняет свою работу даже слишком хорошо, чтобы это было правдой! Он практически залезает в бутылочное горлышко со своей камерой и берет такие ракурсы, за которые действительно стоит заплатить – и немало.

– Хирург отступает назад, – продолжаю комментировать происходящее на арене. – Кажется, ему нечем ответить ни на оружие, ни на пляску. Во всяком случае, это мое мнение, которое, и я очень сильно на это надеюсь, будет аннигилировано в ближайшее время!

На арене прекрасно слышны мои слова, которыми я подгоняю Нала придумать что-нибудь эдакое не только для завлечения толпы, но и для продолжения действия, которое обещает быть как минимум забавным.

– Всего метр, и чокнутая старушка достигнет цели. Еще совсем немного, и Хирург превратится в кучку мелко пере-

рубленного мяса или даже фарша! – ору я в микрофон, чувствуя всю напряженность арены. – Или же у нашего бойца еще есть что-то в арсенале?! – спрашиваю я. – Кто же мог предположить, что наш красавчик будет настолько изощренным и хитроумным?! Кто ж мог подумать, что он не только придумает, но изобретет такое ужасное оружие практически полного подавления ближнего боя?!

Я наблюдаю за тем, насколько сильно Нал теряет контроль над ситуацией, за тем, как его трупан беспомощно пытается уйти из-под атаки наступающей Бабуленьки.

– Ну, я так думаю, дамы и господа, это все... Что-то мне подсказывает, что наступила патовая ситуация, в которой Хирург будет бегать, а старушка – пытаться его догнать... – произношу я, и с трибун звучит громкое, осуждающее «Фу-у-у!». – Ну что ж, нам в любом случае нужен победитель... – грустно выдыхаю я. – А это значит, что нам придется запустить...

Мне вновь не дают досказать. На сей раз Хирург. Оказывается, у труповода тоже был план. Совершенно не очевидный и даже странный своей концепцией, но он был и заключался в следующем: Нал специально водил Бабуленьку по кругу, чтобы её оружие вскопало почву.

– Теперь старушка практически стоит на месте! – произношу я, убирая палец от кнопки, над которой написано «пресс арены». Примерно после третьего проведенного чемпионата, в котором была подобная ситуация между быстрым,

но при этом слабым, и сильным, но медленным соперниками, я установил сжимающиеся стены. Понятное дело, что никто не хочет проигрывать и поэтому готов на любые увертки, вплоть до ожидания разряда батареи пульта управления трупаном.

– Итак! Получается, Нал что-то придумал и сейчас намерен воспользоваться своим планом, который не доглядел недалновидный Внучок! – смеюсь я, наблюдая за тем, как старушка практически полностью буксует из-за мягкой почвы и теперь останавливает свою музыкальную агрессию.

Её труповод, и это заметно невооруженным взглядом, нервничает. С его лица сходит та самодовольная улыбка, которая была до этого.

– Дамы и господа! Я думаю, что это – момент истины! – я перевожу экраны телезрителей на камеру Джимми, который подбирается достаточно близко, чтобы во всей красе показать участников первого боя. – Что же сделает Хирург, который сейчас размахивает ногами, словно готовясь нанести единственный удар на вынос тела!

Бабуленька в это время складывает тросточку, превращая её в самую обычную, с виду не отличающуюся от других, предназначенных для людей с ограниченными возможностями к передвижению.

– Что же будет дальше?! Оппоненты напряжены. Один готовится к тому, чтобы ударить, второй – к тому, чтобы уклониться! Кто из них сможет воплотить свое желание в... – и

я в третий раз не успеваю договорить.

Кажется, Нал не упоминал об этой интересной технологии, которую нам так же продемонстрировала Доченька и её Большой папа! Он тоже оборудовал ноги своего зомби турбинами, которые позволяют делать пускай короткое, возможно вообще одно, но сильное движение, которое Хирург и прodelывает.

Выплевывая пяткой огонь, искры и дым, захлестнув немалое расстояние ногай сзади, гнилушник Нала рвётся вперед с невиданной скоростью и спустя всего долю секунды не просто подкидывает старушку над землей, а отправляет в полет под самый купол арены. Толпа ахает, после чего взрывается восторгом, наблюдая за тем, как из второй пятки Хирурга также начинает вырываться пламя, и на этом заряде он взмывает в воздух, преследуя ту, кто отняла у него кисть руки.

– Вот это грация, вот это полет! – комментирую я, словно в замедленной съемке наблюдая за происходящим. – Бабуленька превратится в грудку мяса, если Хирург сможет нанести тот самый удар ногай, который он планирует!

Публика замирает в ожидании. Я сам затаиваю дыхание и внимательно наблюдаю за тем, как два тела поднимаются в воздух. Любог, даже самый маленький просчет будет стоить Налу имени и, возможно, титула чемпиона! Все зависит от того, сможет ли он подняться на необходимую высоту, опустится ли Бабуленька достаточно низко, чтобы попасть в область удара и сможет ли Хирург атаковать.

Интрига нарастает, и вот он, момент истины: все совпадает самым наилучшим для Нала образом, и труп бабушки с тростью пульей отправляется в сторону вспаханной ей земли. Спустя секунду или две клубы пыли взмывают в воздух. Спустя секунду или две звучит сильный хлопок, который рассказывает о жестком приземлении Бабуленьки.

– Джимми! Джимми! Тебе что-нибудь видно?!

Перевожу всех зрителей на его камеру. Оператор подбегает достаточно близко, чтобы посмотреть на происходящее в пыли. Спустя еще мгновение раздается еще один мощный хлопок – это Хирург наносит еще один удар, прибегнув к помощи силы притяжения, разогнавшись и приземлившись в строго определенную точку, за которой, по всей видимости, следили датчики в его глазах. Кстати, сначала никто даже не понимает, что произошло, потому что все и каждый концентрируются на облаке пыли над землей.

Джимми, услышав второй громкий хлопок, несколько раз подряд высказывается не самым лицеприятным образом, но программы-цензуракторы успевают не только уловить его мерзкий голосок, но и сделать замену слов на более подходящие для прямого эфира.

– Ничего не видно, только пыль и больше ничего! – кричит он. – А у вас на арене или для арены есть какая-нибудь система вытяжки? – спрашивает он, и в этот момент я вдавливаю регулятор управления вытяжкой до упора.

Спустя полминуты возвращаю его в прежнее положение

и замираю от удивления. Вместе со мной замирает и аудитория, восседающая над местом действия за бронированным стеклом, через которое, однако, кое-что можно и перекинуть при большом желании.

– Это... это... просто невероятно! – выдавливаю я, задыхаясь от удивления и восторга. – И у нас есть первый победитель, который смог не только удивить! Который показал нам в деталях свой удивительный и прекрасный внутренний мир! – кричу я, а на самом деле сдерживаюсь от того, чтобы заблевать всю кабинку комментатора от отвращения. – Что ж! Победителем объявляю... Бабуленьку!

Нал от этих слов все же опускается на колени. В этот момент к нему приходит полное понимание поражения.

– По всей видимости, произошло следующее! – продолжаю болтать я, наблюдая за танцующим и принимающим знаки внимания от дам победителем. – Приземление сняло дряблый, ветхий кожный покров со старушки, прихватив при этом еще и некоторое количество мяса, но её это не остановило благодаря стальному скелету! – в моем голосе поддельный восторг. – Сразу после падения, как мне кажется, она сразу поднялась и вновь активировала свою трость! А Хирург, точнее, Нал, просто не ожидал, что она успеет все это проделать!.. Короче! Хирурга разрезало на две части, и он выбывает из битвы, – произношу я, отворачиваясь от монитора. – Прости, Нал, не в этот раз... Но ты можешь попробовать в следующем году! Джимми, – выхожу я на связь с

оператором. – Сделай несколько красивых кадров и закругляйся, чтобы я смог продолжить комментировать.

Второй бой

– Вот мы и вернулись после непродолжительной рекламной паузы! – весело заключаю я, вновь возвращаясь на телеэкраны. – За время, которое каждый из нас провел, занимаясь своими ва-а-ажными делами, сотрудники холодосика поменяли землю, постелив свежий пласт! Это необходимо для соблюдения условий погружения гнилушников в одинаковые условия. В любом случае, дамы и господа! Позвольте вам представить следующую пару! Ими, согласно жеребьевке, стали: Ричи-Ричи под управлением инструктора по боям без правил и Трупан, который принадлежит одному неоднозначному эксгуматору под псевдонимом Некрос! – произношу я и опять запускаю снопы искр вокруг арены. – Первым приглашаю выйти второго названного мной претендента!

Ворота холодоса открываются, и первым выходит мужчина, высокий, сгорбленный, в сером плаще с серым капюшоном, накинутым на голову. Он медленно идет по дорожке, сжимая в руке пуль управления своим Трупаном. Он выглядит так, как мог бы выглядеть какой-нибудь злодей из фильмов третьего сорта. Ведет себя он точно так же.

Спустя несколько секунд появляется его Трупан, который сделан из большого количества разных людей, и сказать о какой-то конкретной личности просто нельзя. То есть раньше это была девушка, достаточно красивая, пусть и мертвая, ко-

торой управлял слегка странноватый тип, который выкупил свою возлюбленную у её родителей... Дальше была какая-то мутная история, за которую практически все ненавидят этого персонажа, но вот он тут, в очередной раз, со своим гнилушником, сшитым по частям широкой ниткой. Конечно же, в большинстве своем это – показуха!

– Вот он! Наш претендент второй пары под номером один! Некрос и его Трупан! Постоянные обитатели нашего финала! Как и каким образом, я не знаю! Даже не помню, сколько лет подряд этот участник добирается до высочайшей точки, чтобы в конце потерпеть поражение! Когда-нибудь, на его юбилейное участие, я просто выйду и подарю ему кубок за старания! – смеюсь я в микрофон, в то время как толпа разделяется на два лагеря: те, кто его обожает, и те, кто его ненавидит.

Наблюдать за таким разделением смешно, но интересно, потому что обычно люди приходят просто на шоу, но касаясь этого участника, они приходят либо чтобы любить, либо чтобы ненавидеть.

«На самом деле, меня пугает не этот хмырь, а те слухи, которые о нем блуждают среди зрителей, они очерняют и без того чернушное мероприятие, – думаю я, продолжая представлять не только Некроса, но и тот не совсем понятный кусок мяса, который шагает следом за ним, то ли сокращаясь, то ли страдая от конвульсий. – Надо, наверное, действительно, дать ему кубок за самое длительное участие, что-то вроде

приза зрительских симпатий, и отправить на покой и больше никогда не принимать от него заявок. Достаточно...» – мелькает у меня в голове, пока я что-то там говорю на автомате, пока показываю крупные планы, снимаемые Джимми, пока наблюдаю за тем, как Некрос раскланивается, слушая восхищение и порицание одновременно.

– Первый претендент второй пары вышел, представился, и теперь настало время показать вам второго! И, скажу вам честно, в тренировочном ангаре я видел этого монстра и был впечатлен! Никогда прежде я не видел ничего подобного! Позвольте представить вам Ричи-Ричи и его инструктора, который так и называет себя – Инструктор! – кричу я и нажимаю на кнопку, что запускает на арену дым, и на еще одну, что открывает заслонку-двери, позволяя претенденту выйти на арену.

Ну, как выйти... Скорее, выскочить, исполняя огромное количество гимнастических фигур.

– Ричи-Ричи – уникальный по своему строению и составу гнилушник, у которого отличнейшего качества мозг и который раньше был не только цирковым акробатом, но также мастером боевых искусств, чем и вызвана огромная подвижность и отточенность действий, даже несмотря на мертвое тело, поддерживающееся при помощи различных компонентов! – произношу я краткий обзор на трупана, который бодро скачет, размахивает руками и является полной противоположностью того не-живого, с которым придется биться. –

Его тренер, что называет себя просто – Инструктор, практически всю жизнь посвятил боевым искусствам, но теперь не может двигать ногами из-за аварии, в которую попал, но дядька не сдался и решил вернуться в бои, но в немного ином статусе. Таким образом, у нас потрясающий дебют, который до этого показывал не только навыки, но еще и доминирование на арене!

Причем, заметьте, оружие у этого претендента было всегда одно – кулаки, оборудованные стальными пластинами, но именно ими он разбирал своих оппонентов на составные части, удар за ударом.

– Думаю, нет смысла затягивать, потому что у нас еще очень много событий! – весело произношу я. – Дорогие зрители! Предлагаю вам отсчитать начало боя! Что скажете?! – толпа приветственно орет, что не может не радовать. – Отлично! В таком случае... Три! – произношу я в микрофон, и спустя секунду громкое хоровое «два!» волной прокатывается по трибунам над ареной проведения боев.

Спустя еще секунду «один!» – и мой палец лежит на кнопке условного сигнала для начала битвы. На самом деле, я нервничаю. Я не понимаю, что же в этот раз придумал Некрос и каким оружием будет пользоваться. Обычно этот ублюдок совершенно молчалив и хранит подробности при себе. Наверное, именно этим этот человек и его Трупан приковывают к себе взгляды толпы.

– Мочи! – ору я и жму на кнопку, и без единого мига за-

держки, очень резко, Ричи-Ричи подходит к своему противнику вплотную и начинает бить-бить-бить, без остановки, ловкими движениями перемещаясь вокруг. – Вот это скорость! Вот это удивительные способности к проведению ударов! Практически никакой задержки! Просто удивительно! Такое чувство, будто бы мозг этого гнилушника, который можно прекрасно рассмотреть через небольшой и плотно посаженный в череп купол, до сих пор жив и дееспособен! – комментирую я, переводя основное изображение на картинку, что фиксирует Джимми своей камерой на плече.

«Этот уродец хорош! Возможно, даже слишком хорош по всем своим параметрам! – думаю я, наблюдая за его работой. – Он меня бесит своим видом настолько сильно, что так и хочется блевать! Еще больше он бесит меня своей честностью! И это потому, что я почувствовал к нему симпатию благодаря его высказыванию насчет меня...» – кружится в голове, пока Ричи-Ричи не сбавляет темпа и обходит Трупана со всех сторон.

– Удивительно, но Некрос даже не чешется. Кажется, ему вообще наплевать на его куклу, которая сегодня выглядит потрясающе омерзительно, именно поэтому на ней сработали алгоритмы цензурирования и некоторые места искусно прикрыты, – комментирую я, наблюдая за работой Джимми, что старательно снимает этот бой, практически вкладывая в него свою душу. – Ричи-Ричи продолжает серию ударов, и вот он отрывает от своего оппонента первый кусок мяса, –

произношу я. – А вот и второй отправился в свободный полет. Третий. Четвертый. А если ему удастся отправить кусок над стеклом, то... чем черт не шутит?! Один из наших зрителей сможет оставить его на память, запихнув в формалин! – смеюсь я.

Публика тут же восторженно начинает кричать: «Мя-са! Мя-са! Мя-са!», чем вводит меня в ступор и заставляет почувствовать отвращение не только к работе, но и к человечеству в целом.

– И все же, что нам приготовили Некрос и его Трупан?! Неужели он просто будет смотреть за тем, как его подопечного разбирают на куски? В принципе, не исключено, что именно так и будет, потому что наш претендент на звание по-о-обедителя – очень аутентичная личность, от которой можно ожидать что угодно! – произношу я в микрофон. – В любом случае, думаю, пора начинать полноценную схватку, иначе один из эксгуматоров, ставший своеобразной легендой, в очередной раз вылетит в финале!

Таким образом я намекаю, что от Некроса ждут шоу и что пора бы уже начинать делать хоть что-нибудь. И в этот момент огромная, малоподвижная груда разноформатного мяса не просто поднимает руки, а одним невероятно быстрым движением бьет Ричи-Ричи по ушам, и тот тут же заваливается назад. Несколько секунд лежит, после чего делает кувырок назад через голову. Инструктор, как и все зрители, как и я, пытаемся понять, что произошло. Общее замешательство

настолько велико, что ощущается кожей.

– Это что такое было?! – произношу я. – Почему Трупан атаковал?! Как это произошло?! – пульт управления до сих пор просто висит в руке Некроса. – Мне показалось, или он никак не использовал пульт?! Мне это только показалось, или это произошло взаправду?! – взволнованно спрашиваю я и начинаю искать на камерах момент удара, синхронизировать видеоряд и изучать произошедшее.

И вправду, Некрос не прибежал к использованию пульта управления. Мне это не нравится, однако я вывожу повтор на все экраны, чтобы внести интригу, чтобы запечатлеть доказательства, которые, вполне возможно, можно будет потом использовать, чтобы отмазаться от чего угодно.

В эфир врывается голос Джимми:

– Мне кажется, он неспроста до сих пор не снял с головы капюшон!

Сразу после этой фразы реально талантливого оператора Некрос поднимает руки вверх. При этом Инструктор отводит Ричи-Ричи на несколько метров в сторону. Кажется, таким образом он готовится к резкому удару, который также будет нацелен в голову. Я комментирую действия странного труповода, который не в первый раз умудряется шокировать публику, и, кажется, Джимми прав и наш марионеточник не просто так скрывает голову.

– Некрос поднимает руки, вытянув их в стороны. В одной ладони он сжимает пульт, которым, до этого момента,

как мне кажется, не пользовался, – проговариваю я. – Так... Теперь наш любитель сделать из мухи слона поднимает руки над головой, сокрытой тканью капюшона, и начинает хлопать в ладоши, таким образом призывая зрителей, вживую наблюдающих сегодняшнее шоу, начать аплодировать, – в данный момент я обращаюсь к телезрителям, которые смотрят за нами в прямом эфире. – И вот та половина, которой этот персонаж нравится, взрывается овациями! Вторая же часть зала притихла в напряженном ожидании! Давай, Некрос, вываливай карты на стол! Мы должны узнать, что ты там задумал!

На самом деле, я уже догадываюсь, но не могу поверить. Я примерно понимаю происходящее, но не хочу увидеть того, что должен буду. Скажу больше, будь у меня малейшая возможность, я бы даже не стал этого показывать, но если упущу, то меня не простят... а если продемонстрирую, то рейтинг тот же час взлетит еще выше, пробив верхние границы всего того, что сейчас идет по разнообразным каналам.

Инструктор, управляющий Ричи-Ричи, с тупым видом наблюдает за действиями оппонента, который вновь опустил руки и теперь поднес ладони к краям капюшона. Инструктор заставляет своего трупана двигаться по кругу, одновременно с этим он не сводит своих глаз с фигуры мясного монстра. Вообще, если присмотреться, то можно заметить, как его глаза смотрят в разные стороны, улавливая сразу две точки из трех.

Некрос скидывает с головы кусок ткани и демонстрирует зрителям свой настоящий пульт управления, который стал частью его головы... Он подсоединен напрямую и подразумевает под собой не просто полный контроль, но и, практически, погружение собственной воли в мозги куклы, состряпанной из кусков тел, из шматов плоти, из стали, пластика, стекла и множества других материалов.

– Ух ты ж... – цензуратор выплевывает «мамочки-божечки» вместо моего «бляха-муха». – Вы только посмотрите на одержимость Некроса! – задыхаясь, выкрикиваю я. – Кажется, в этот раз он настроен серьезно! Что-то мне подсказывает, что не просто так этот психопат выполнил преобразование своей черепной коробки с установкой на нее и подключением к коре головного мозга сенсоров и датчиков, чипов и процессоров, что позволяют ему управлять своим Трупаном так, как если бы тот был рукой или ногой! Это ж просто очуметь! Подумайте!.. Подумайте и поразмыслите, кто еще готов совершить с собой подобное?!

Холодок прокатывается по спине, оставляя после себя такое жжение, словно по коже провели углем.

Инструктор, внезапно осознав тяжесть своего положения, отправляет Ричи-Ричи в атаку. С этой самой секунду его темп нарастает, и в скором времени появляются сложности в том, чтобы уследить за действиями этого бойца. Однако меня и всех противников Некроса напрягает его спокойствие. Он даже не пытается отвести своего гнилушника в сторону

или уклониться. Некрос молча наблюдает за тем, как им созданное существо постепенно становится гораздо тоньше и меньше. Инструктор пусть и осторожничает, но продолжает направлять творение своих рук в атаку.

Мужчина в длинном сером плаще поднимает руку, и с этого момента Трупан полноценно вступает в битву. Они начинают танцевать друг вокруг друга. Выглядит это ужасно хотя бы потому, что тот кукловод, что управляет рассыпающимся по кускам шматком мертвого тела, не предпринимает никаких попыток ударить. Кажется, таким образом он выбирает и примеряется...

– Что-то мне подсказывает, что у него есть какая-то извращенная и изощренная тактика! – произношу я в микрофон. – Сможет ли Инструктор разгадать её или нет?! Получится ли у Ричи-Ричи вывести противника из дееспособного состояния или нет?! Сейчас мы это увидим! Только для начала Некрос должен окончательно вступить в... – в очередной раз цензуратор поправляет меня для телевидения, куда не должен попадать мат.

Спустя секунду на связи выходит пораженный Джимми.

– Это что такое было?! – спрашивает он. – Я старался заснять, но, как мне кажется, не получилось! Вы не могли бы просмотреть камеры видеонаблюдения и сказать мне?! Я ничего не увидел и, кажется, не успел заснять!

Продолжаю комментировать бой и одновременно с этим опять занимаюсь тем, чем предпочитаю не заниматься во

время прямой трансляции.

– Это был удар. Это был настолько быстрый и сильный удар, который отправил Ричи-Ричи на другую сторону арены! – кричу я, подскочив с места и приближая изображение как можно ближе к Трупану и Некросу. – А еще Инструктор успел среагировать и ударил в ответ! Кулаком о кулак! Вы только посмотрите на это!

Показываю произошедшее в замедленной режиме. Зрители видят, как Ричи-Ричи со своими стальными накладками успеваает хорошо приложиться к кулаку Трупана, но сила того настолько велика, что сминает и в итоге отрывает руку бойца, а её саму отправляет в шедевральный полет во вращении.

– Кажется, у Ричи-Ричи на пятьдесят процентов меньше вариантов на победу! – произношу я, и зрители над ареной начинают смеяться, а еще спустя несколько секунд кто-то поднимается с рукой бойца в ладонях. – О-у! Кому-то повезло, и он уйдет с сувениром!

Смеюсь, продолжая взглядом сверлить Некроса, что сейчас настолько сильно сосредоточен, настолько жестко напрягает сомкнутые веки, что весь его лоб покрыт жирной, пульсирующей под кожей, сеткой сосудов, что спускается ниже, к глазам и переносице, а затем берет свое продолжение от шеи вниз.

Наблюдать за этим страшно и интересно, в связи с чем я говорю:

– Страшно интересный бой у нас сегодня. А еще мы можем наблюдать работу ретранслятора... черт! Я знал, что такие штуки есть, что их очень мало и что они не самые надежные в обращении, но не думал, что кто-то из участников решится на подобное! Вы подумайте только! Он не просто улучшал свою возлюбленную до состояния... до того, что вы сейчас можете увидеть перед собой и на своих экранах! Он решил пойти дальше и начал преобразовывать себя!

«Вот и все... Этот день можно считать началом конца, – думаю я в это время, проклиная не только эксгуматоров и технологию, позволившую поднимать умерших для работ, но и тех, кто продолжает работать над интеграцией гнилушников в жизнь, нарушая таким образом все законы природы. – М-да... А ведь я в центре всего этого балагана! Ведь я один из тех, кто всем этим заправляет», – думаю я, с каждым годом все меньше и меньше получая удовольствия от профессии и от собственного детища; правда, подобное случается только в такие вот моменты, когда на моих глазах человечество буквально устремляется в очередную бескрайнюю пропасть.

– А есть ли чем ответить?! А?! Инструктор?! А?! Ричи-Ричи?! Есть ли у вас какой-нибудь козырь в рукаве?! – продолжаю я выполнять свою работу и задорным голосом выплевываю слова, которые могу воспроизводить отдельно от того, что происходит в голове, параллельно своим настоящим размышлениям о жизни.

Инструктор быстро жмет какую-то комбинацию кнопок на своем пульте. Он не только возвращает Ричи-Ричи на ноги, но и показывает свой козырь, который у того на всякий случай, но был припасен, и в данном случае – это оружие ближнего боя. Своим внешним видом оно напоминает колотушку с каким-то мигающим, ало-красным ореолом, который явно не предвещает ничего хорошего Трупану, который сам собой является козырем из-за проделанных Некросом изменений себя. Хотя никто не станет утверждать, что у того тоже не припасено ничего за пазухой.

Ричи-Ричи направляется вперед. Уже не так быстро. Уже не так ловко. Видимо, это связано с нарушенной внутренней конструкцией гнилушника, которую будет затруднительно поправить в случае победы... если таковая вообще будет.

Инструктор направляет своего подопечного в бой, и спустя несколько мгновений раскрывается разрушительный потенциал колотушки, которая, видимо, использует в себе технологию продвинутой лазерной резки.

– Вот это номер! – подпрыгиваю я на месте от кадров, сделанных Джимми, который практически пролезает под рукой во время удара и ловит на линзу несколько капель крови, которые тут же вытирает платочком в ромашку. – Вот! Это! Да! Вы это видели! Это ж его шанс на победу не только в этом бою, но и в принципе, в нашем сегодняшнем чемпионате! – я действительно удивлен использованием этой технологии, которая закрыта для обычных людей... Да и не всем не обыч-

ным открыта... что косвенно намекает на связи с министерством обороны.

От Трупана отлетают куски плоти, делая эту фрикадельку все меньше и меньше. От этого гнилушника во все стороны летит слегка подгнившее и изрядно заветрившееся мясо.

– Сможет ли Некрос ответить?! Есть ли у него контраргумент, или он все поставил на свою связь, которая, по всей видимости, дается не так просто, как предполагалось?! – смеюсь я. – Постойте... мне кажется, я понял предназначение такого количества...

Я не успеваю закончить, как рука Трупана змеей бросается вперед и останавливает колотушку. Затем вторая рука останавливает удар ногой, который пытается провести Инструктор с помощью своего Ричи-Ричи.

– Уф! Всем впечатлительным лучше отвернуться! – проговариваю я, наблюдая за тем, как Трупан отрывает огромный кусок мяса от пускай не-живого, но выглядящего как человек, растягивая ногу в разные стороны. – Нет, все! Это чистая победа Некроса, потому что у Ричи-Ричи больше нет никаких шансов!

В течение очень короткого интервала Трупан заканчивает разделываться со своим юрким и шустрым противником, разбирая его на составные части, а затем забирает колотушку и наносит несколько ударов, таким образом не оставив от оппонента ничего такого, что можно восстановить.

– И-и-и! В этом бою беспрекословно побеждают Некрос

и его Трупан! – кричу я, после чего уже с другой интонацией проговариваю: – А мы уходим на рекламу и даем возможность сотрудникам холлоса немного прибраться перед следующим зрелищным боем, участников которого вы скоро сможете увидеть! И, кстати, сразу после рекламы зададим пару вопросов нашим, уже прошедшим, конкурсантам! – смеюсь я.

Жму на кнопку, переводя всех зрителей на рекламный ролик, после чего покидаю рубку комментатора.

– Джимми, давай ко входу в ангар. Нам надо взять пару коротких интервью, – тот с коротким ответом «так точно!» направляется ко мне навстречу. – Черт, ты меня бесишь ровно настолько, насколько я от тебя в восторге... падла! – выдыхаю сквозь зубы, после чего достаю пачку сигарет из кармана джинсов. – Настало время немного укоротить отведенный мне срок, чтобы приблизиться к вечности! – усмехаюсь я, вспоминая о том, что пожертвовал свое тело этому шоу, понимая, что после моей смерти из тела тоже сделают куклу, которая будет танцевать, выполнять какие-то фокусы и которая под именем Мэйсон продолжит являться талисманом этого вида спорта.

Третий бой

– Всем привет! Вот мы и в ангаре, где сейчас поговорим сначала с Внучком, который одним вымеренным, практически самурайским движением лишил своего оппонента любой возможности одержать победу, бу-у-уквально располосив Хирурга! – подхожу поближе к тому, кого все знают под псевдонимом «Внучок». – Что ты чувствуешь, парень?! Готов к полуфиналу или как?! – спрашиваю я его, и тот, исполнив закидывание пряди волос назад на камеру, начинает потихоньку рассказывать о своих впечатлениях.

– Ну, на самом деле, я не ожидал такой силы и прыти от Хирурга. Я думал, что все будет гораздо проще и что моя старушка вообще не выгребет ни единого удара, а тут... – он указывает на стол, на котором лежит престарелое тело, на которое сейчас старательно накидывается что-то вроде кожи из специального материала. – Этот Нал оказался очень умным дядькой. Мое уважение! – он бросает прямо в объектив камеры белоснежную улыбку, после чего вновь смотрит на своего гнилушника, что выполнен из бабушки.

– Как ты оцениваешь урон, который нанесли твоему детищу? – спокойно спрашиваю я и указываю Джимми, что сейчас лучше больше демонстрировать старушку, над которой работает несколько человек в попытке привести в порядок. – Давай, по десятибалльной шкале. Я должен знать, что ты ду-

маешь на этот счет, – улыбаюсь ему, хотя улыбаться совсем не хочу...

Меня поддерживает мерзкая, белесая, жирная рожа Джимми, что сейчас маячит перед глазами и заряжает ненавистью.

– Не скажу, что прямо очень сильно её помяли, но повреждения есть. Самое неприятное из них – это слезшая кожа. Я думал, что такого не произойдет, но как оказалось... Ничего, сейчас закатаем в силикон, и она станет выглядеть почти молодой. Почти такой, как в юности, только страшной, потому что сейчас мы не будем пытаться из силикона вырезать правдоподобные очертания, – хмыкает Внучок. – В остальном, мы кое-что поправили внутри, подтянули, заменили. Сейчас нормально... Хотя вот если бы Хирург ударил бы чуть-чуть не туда, куда попал, то все, конец, мы бы не прошли, вряд ли получилось бы поднять эту пепельницу на ноги.

Внучок аккуратно обходит стороной тему слабого места, вроде бы и указав на то, где оно находится, но в то же время не сказав ни единого слова по этому поводу.

– Ладно, хорошо, я понял! – отвечаю ему. – В таком случае, мы пойдем, чтобы не мешать вам! Да и пауза для приведения арены в порядок не такая продолжительная, чтобы выпытывать прямо все тайны у наших участников!

Я жму Внучку руку, хотя хотел бы плюнуть в лицо. Кажется, он испытывает такие же чувства, и это нормально. Нам незачем относиться друг к другу хорошо, положительно или

нейтрально. Скажу больше: нам проще ненавидеть. В таком случае шоу приобретает иные оттенки и краски, начиная искриться, взрываться и переливаться, что очень здорово влияет на просмотры.

Джимми вылетает из палатки вместе со мной. Он быстро перебирает своими ножками в попытке угнаться за мной, и, в принципе, у него это получается.

– Черт... – злобно, сквозь зубы, выдыхаю всего одно слово и закрываю глаза в попытке сосредоточиться.

– Что-то не так, мистер Мэйсон? – мерзкий голос оператора бьет по перепонкам, напоминая, что может быть что-то хуже разговора с поехавшим всей своей головой, а теперь и её остатками, Некросом.

– Не, нормально все. Выдыхай и пойдем. Приготовься. Следующий очень такой... специфичный... человек, – обращаюсь я к Джимми, после чего делаю несколько шагов вперед, открываю дверцу палатки и оказываюсь в плохо освещенном помещении.

Там вижу немаленький стол, вокруг которого воодушевленно бегают эксгуматор, чья голова светится несколькими лампочками благодаря прямому подключению к гнилушнику посредством собственных мыслей.

– Здравствуй, Некрос, дорогой! Всего год прошел, и ты вновь с нами! Вот только на этот раз твой Трупан сильно отличается от той возлюбленной, которую ты так старательно пересобирали столько раз подряд! – произношу я. – Скажи, с

ней все в порядке?! Если так вообще можно сказать о не-живой личности... Скажи, ведь несмотря ни на что, ни в едином бою, её мозг ни разу не был поврежден, что тебе и позволяло ставить её на ноги, ведь так?

Меня игнорируют, и подобную реакцию от подобного персонажа можно ожидать. Конечно, мне это не нравится. Стискиваю зубы до боли, но тут же уменьшаю давление и обращаюсь уже к Джимми:

– Так, раз он нас не замечает или замечать не хочет, давай подойдем поближе и посмотрим, чем он там занимается, – после чего подманиваю рукой.

Джимми быстро кивает. Подходим ближе, и от увиденного меня практически выворачивает наизнанку. Джимми тоже. Теперь понятно, что же так увлекло нашего психопата-участника.

– Некрос... это что ты тут делаешь такое?! – спрашиваю я, слегка отодвигая объектив камеры в сторону. – Ты из вот этих ведер чужих тел обшиваешь своего Трупана заново, так получается? – спрашиваю я, после чего задаю следующий вопрос: – А у тебя разрешение на эти части есть или... – мне не нравится увиденное.

– Есть. Вон там. На ящике с инструментами. Имена и фамилии. Там же перечислены все подробности и так далее. Можете не сомневаться, у меня все чисто.

Он смотрит на кусок чьего-то тела, который собирается присовокупить к общей «тефтели» с помощью чего-то, на-

поминающего огромный степлер.

– Урон оцениваю на единичку, – произносит он своим низким голосом, который сейчас к тому же сильно хрипит, видимо, из-за сосредоточенности над восстановлением конкурсанта перед следующим боем. – Это она и есть. Трупан и есть та девушка. Просто она находится под всем этим защитным великолепием. – отвечает Некрос, даже не пытаясь посмотреть на нас. – Ну, ничего, как только мы выиграем, я покажу всем, насколько ты до сих пор красивая! Просто в доспехах, которые выглядят несколько неподобающе для такой милой и красивой девушки, – произносит он слегка в нос, медленно, отбивая любое желание продолжать беседу... даже просто находиться в этой палатке, пропитанной атмосферой чего-то страшного, ужасного, тяжелого и летального.

– Ла-а-адно... я понял, – отвечаю ему. – Спасибо за внимание. Думаю, мы пойдем. Еще есть чем заняться, – говорю и жестом показываю Джимми, что надо уходить. – Увидимся в следующем этапе!

На эту фразу Некрос не отвечает мне. Не сильно-то и хотелось.

Уже по ту сторону от палатки обращаюсь к оператору:

– Так. Пойди немного погуляй. Можешь к проигравшим зайти и сделать несколько кадров. А мне нужно вон в ту палатку. Если надумаешь зайти, сначала стучись. Понял?!

Он согласно кивает в ответ, и мы расходимся.

– Хоть немного лишних йот смогу поднять на этом деле, –

улыбаюсь я. – Хоть один договорняк из четырех! Причем, на проход в полуфинал! Ха! Какая прелесть! В последнее время все стали каким-то чересчур правильным. Никто не хочет продавать победу... всем нужна победа! – я смачно сплевываю. – А ведь раньше на проигрыше можно было поднять деньги даже больше, чем на победе. Причем, не только бабок, а всего! А тут... спортсмены хуевы... – шепчу себе под нос с таким отвращением к людям, которое уже давно стало частью меня самого.

Зайдя в палатку, я обнаруживаю представителей двух команд, которые стоят друг напротив друга. Гнилушников при них нет, и это радует. Это значит, что они настроены на бизнес и одни готовы купить, а вторые – продать. Моя роль здесь не только в получении барыша, но и в том, чтобы заключить контракт, согласно которому произойдет обмен возможности пройти в финал на некоторую, очень объемную и ощутимую сумму средств.

– Давайте не будет затягивать, – обращаюсь я к стороне, которая продает. – Условия и ценник готовы? А ну-ка, давайте сюда! – мне протягивают лист бумаги, который я должен буду сохранить в течение года, так, на всякий случай. – Угу... угу... Это тоже понятно... Разобрать по частям можно, но оставить возможность пересобирать. Соппротивление первую минуту-две, а потом можно отключать пульт управления и изредка подавать признаки борьбы, чтобы не заподозрили.

Смотрю на команду покупателей. Те с понимающим видом кивают.

– Отлично. Деньги.

Покупатели протягивают мне огромный мешок, который я роняю на стол и начинаю изучать содержимое, доставая пачки денег.

– Это моя... – в следующий миг перебиваю самого себя, начиная матом орать что есть мочи на Джимми, который без стука вваливается в палатку с камерой на плече.

– Да она выключена! – отвечает Джимми, но мне от этого не легче. – Не работает она! И вообще, мне организаторы сказали найти вас! Нас пытаются штурмовать эти... которые защитники прав всего и вся, несмотря ни на что. Моралисты, короче... – произносит он, после чего без паузы врывается в разговор: – А что это вы тут делаете?!

Джимми смотрит на мешок, на меня, на две пачки денег, которые я держу в руках, на представителей двух команд, которые должны сейчас готовить гнилушников выйти на арену.

– Взят. Закрыл щель. Вышел, – кидаю ему пачку йот, выдыхаю, ощущая, насколько сильно трясутся руки от негодования. – Сука... – выдыхаю, и аж глаза закатываются. – Я ему заплатил. В случае возникновения левой информации можете ёбнуть, – произношу я. – Соглашение подписали? Обе стороны? – они кивают. – Отлично. В таком случае, готовьтесь выходить на арену, а я пошел разберусь с правозащитниками, будь они все неладны.

Настроение скатывается в самый низ, на самое дно, от чего я хочу послать все как можно дальше и сегодня больше не возвращаться сюда, но работа есть работа и её, несмотря ни на что, необходимо доводить до конца.

Выскакиваю из палатки. Щелкаю несколько раз пальцами, привлекая внимание оператора.

– Включай шарманку, – обращаюсь к нему без настроения, после чего вздыхаю и уже с улыбкой на лице обращаюсь к зрителям: – Просим прощения за ожидание. У нас возникли небольшие неполадки. Через десять минут мы восстановим наше шоу, а пока что у вас есть уникальный шанс еще немного отдохнуть и приготовить свои руки чтобы аплодировать, связки, чтобы орать, а моргалы, чтобы не моргать в страхе пропустить какой-нибудь смачный момент! – смеюсь, после чего подаю Джимми условный знак, чтобы он выключил передачу данных и проследовал за мной.

На самом деле, единственный знак, который я хочу ему подать, заключается в том, чтобы с локтя ударить по зубам. С наслаждением. С отягечкой... Потому что за дело.

– Ты даже не представляешь, насколько сильно я хочу втащить тебе по ебалу... – шиплю я сквозь зубы практически уткнувшись носом ему в глаз. – Я же тебе сказал, кусок ты... говна... чтобы стучался, прежде чем заходить! И как же тебе повезло, что камера была выключена... – чувствую, как слова выбивают слюну изо рта. – И повезло, что я считаю личные вещи святыней, иначе полез бы проверять, что ты

там наснимал! – я делаю шаг назад. – А теперь идем за мной. Надо проучить правозащитников всего и вся, лишь бы правозащитить... – делаю еще один шаг, хватаю его за шиворот и утаскиваю за собой навстречу тем, кого презираю даже больше, чем таких кретин, как Джимми. – Только снимай не для прямого, а в архив, ты понял? – он быстро кивает.

Мы быстро выходим из основного здания. Спустя несколько минут достигаем дверей, что сдерживают толпу орущих ублюдков, которые даже хуже тех, что сейчас восседают на трибунах и ждут удовлетворения своих больных мечт в виде жестокого зрелища расправы одних над другими.

«Да... раньше были бои живых, теперь бои поднятых, что же будет дальше? – думаю я, прежде чем проследовать в самое пекло обвинений и грязи, что прольется на меня и Джимми. – А дальше я в который раз увижу истинное лицо человечества, которое ничем не отличается от звериного».

– А вот и я, дамы и господа правозащитники! – с этими словами я буквально влетаю в толпу людей с плакатами, на которых начертаны лозунги, всякие слоганы, обвинения и прочая параша, не требующая моего внимания. – С чем вы пожаловали в этот раз?! Что-то мне подсказывает что с тем же самым! – смеюсь так громко, чтобы перебить всех, кто орет, благо у меня огромный опыт в том, чтобы быть очень громким.

Толпа быстро затихает, сфокусировавшись на мне как на объекте ненависти, который, однако, нельзя трогать руками.

Во всяком случае, до того момента, пока рядом есть включенная камера.

– Так, Джимми, врубай камеру, – произношу я, и на лице появляется ядовитая улыбка. – Что ж, мною не совсем уважаемые, ваш шанс пройтись мне костяшками по зубам упущен! По этой причине предлагаю сразу перейти к основной части! Кто у вас главный? Покажите мне этого человека! – обращаюсь к толпе, которая тут же начинает напоминать мне плотный клубок змей, что шипит, извивается и смотрит на меня как на врага, которого стоит опасаться даже тогда, когда он стоит на расстоянии.

– Мэйсон... – доносится знакомый мне голос. – Когда же ты успокоишься?! Когда ты перестанешь плодить эксгуматоров-психопатов, которые занимаются переделкой тел?! Ты же прекрасно знаешь, что все это неправильно! Против природы! – из толпы выходит невысокий человек, который мне знаком так же хорошо, как я ему. – Когда же ты поймешь, что мы никогда не успокоимся и всегда будем бойкотировать все твои мероприятия, а?! – он подходит настолько близко, что это больше начинает напоминать битву взглядов между двумя живыми соперниками. – Поделим как всегда... я ж не просто так сюда приперся... – с улыбкой на лице шепотом заявляет он мне, а я, чтобы не палить контору, уже громко заявляю следующее:

– Будь добр, отойди на несколько шагов назад.

В это время Джимми снимает притихших людей, что с

трепетом ждут приказа от своего предводителя: «Взять арена штурмом!»

– Скажи мне, сколько раз тебе нужно повторять, что я не отступлю? Сколько раз тебе заявлять, что людям необходимо шоу как метод, как некоторая структура, которая регулирует дееспособность маньяков и дебилов! Шоу на то и шоу, чтобы отвлекать и приковывать! Чтобы забирать на себя энергию... негатив... все дерьмо, которое только есть в сознании! – отвечаю ему с улыбкой со своей стороны. – Да и вообще, сколько раз можно повторять, что у тебя свои зомбированные, у меня свои, и смешивать их нет никакого смысла! – смеюсь под звуки раздраженных и даже разъяренных таким сравнением голосов, но мне на это наплевать, потому что с этого будет неплохой навар.

Я никогда не задумывался о том, откуда к нам приходят деньги после таких стычек. Всем этим всегда занимался мой старый знакомый, с которым мы встречаемся только во время чемпионатов и открытых шоу. Это удобно. Это выгодно. Это в очередной раз делает толпу, которая считает, что права, всего лишь методом заработать денег для тех, кто эту толпу ведет за собой!

– Ты же понимаешь, что мы просто так не уйдем? – интересуется он, специально накаляя события. – Ты же понимаешь, что на этот раз мы точно прервем шоу?! – Джимми снимает нас в этот самый момент. – Ты же понимаешь, что так больше не может продолжаться?!

Мой старый знакомый поднимает обе руки, и толпа за его спиной начинает ликовать, как футбольные фанаты после того, как их команда забивает мяч.

– Сомневаюсь, дорогой... сомневаюсь! – улыбаюсь я. – Спонсоры будут не очень рады такому развитию событий, – достаю средство мобильной связи, тем самым намекая, что разговор надо заканчивать как можно скорее, иначе я очень сильно встряну со сроками и таймингом.

– Какие такие спонсоры?! – спрашивает он, разворачивая ладонь пятерней к толпе и таким образом давая понять, что надо утихнуть. – Подробнее!

– Ну, как, неужели ты не знаешь, что этот чемпионат любезно согласилось спонсировать государство... – улыбаюсь, наблюдая за тем, как толпа делает шаг назад, понимая, что события принимают немного другой оборот. – А если быть прямо совсем точным, то наше министерство обороны и технологических разработок, которое таким образом может обкатать некоторые из своих образцов, не прибегая при этом к живым организмам, – я продолжаю нести ахинею. – Нет, если вы и ваши правозащитники готовы выдвинуть кого-нибудь из живых на опыты, думаю, государство не будет против, даже наоборот, будет готово возвести их в ранг чуть ли не мучеников, что пожертвовали собой во имя величия страны! – и смеюсь.

Знакомый делает несколько шагов назад, правдоподобно отыгрывая испуг, хотя я знаю, насколько он на самом деле

рад тому, что я так быстро и так ультимативно поставил мат в словесной баталии. Мне же, на самом деле, было бы прикольно посоревноваться с ним в злословии, но сейчас неподходящий момент и времени совсем нет... Продолжение сегодняшнего чемпионата уже минут как десять должно быть в эфире.

– Серьезно?! – спрашивает, он подавшись корпусом чуть вперед, и толпа сурикатов, словно повторяя его движение, вытягивается в моем направлении.

– Серьезно, – отвечаю я голосом, полным стали. – Так что стоит вам только начать создавать реальные проблемы, и тут начнется бойня, из которой процентов восемьдесят отправятся в следственный изолятор до выяснения обстоятельств. Если вас такое устраивает, пожалуйста, громите! Но у вас на все про все есть буквально пара минут, потому что если через пять минут я не вернусь в рубку и не продолжу шоу, плохо будет всем и вам в первую очередь. Выбор за вами, дамы-ы-ы-ы и господа-а-а-а!

– Ты же знаешь, что мы еще вернемся! – быстро переобувается мой знакомый, направляя свою толпу на выход. – Ты же понимаешь, что и сейчас мы недалеко уйдем... просто к выходу, чтобы встречать всех твоих гостей порицанием! – обращается он ко мне с хрипом ярости в голосе, но я-то понимаю, что таким образом он говорит мне: «Жди, в следующий раз приведу еще людей и нормально попилим. А сегодня выводил зрителей через черный ход, а то мои настроены

очень радикально, пусть и не хотят сталкиваться с военными».

Они уходят, а я цепляю Джимми за шиворот, и мы быстро направляемся к арене.

– Так, давай вниз, а я в рубку... сука... покурить некогда со всеми этими...

Долго, с наслаждением я ругаюсь всю дорогу до рубки и перед тем, как вновь начать трансляцию.

– А вот и мы! Простите за небольшие технические неполадки. Они были связаны в первую очередь с ареной, с нашим холодосиком! – кричу я. – Каким-то чудом небольшой болтик от одного из наших предыдущих претендентов попал в вытяжку, оттуда по вентиляции спустился в техническую комнату и к чертям пробил цистерну фреона и... Ну, я думаю, вы были бы не в восторге от запаха, который быстро начали бы источать наши бойцы! – смеюсь я, и мой смех встречает дружное «не-е-ет!» – Вот и я о том же! Так что все задержки – для общего блага! Для вас, мои родные и любимые! – я откашливаюсь. – Вот и настал тот момент, которого мы так долго ждали! – нажимаю на одну из кнопок на пульте управления ареной, и из-под купола начинают сыпаться блески. – Хэллсинг и его гнилушник Батори! – кричу я, встречая того, кто должен выиграть этот бой. – Этот человек в широкополой шляпе уже не раз показывал, что его «графиня» способна совершать чудеса! Интересно, что же она приготовила в этот раз?! Будет ли это долгий бой, или он

закончится в несколько движений?! – замолкаю, давая толпе возможность поработать на камеру при помощи голосов, кулаков, лиц, после чего спустя несколько секунд произношу: – Но ведь все мы знаем, что вы хотите длинный и кровавый бой!

Зрители, восседающие на высоте пяти или около того метров над ареной, вновь радуют меня своими голосами, заставляя в уме считать, сколько я заработаю за эту ночь. А ведь это немалая сумма.

– Батори! Вы только посмотрите на неё! Вот что значит: ухаживать за бойцом и вкладывать в него силы и средства! – кричу я. – Некрос! Слышишь, Некрос! Учись! И тогда твоя возлюбленная всегда будет пылать холодным огнем! Всегда будет юной и прекрасной, как и тогда, когда ты её впервые встретил! А пара шрамов и швов – не в счет! И ведь всем мужчинам известно о том, что тонкий шрам на попе зачастую будоражит фантазию куда больше, чем просвечивающиеся под мокрой белой майк... Ой! Я не туда и не о том! – наигранно смеюсь. – Но давайте поприветствуем и второго нашего кандидата на возможную победу в третьем поединке!

Я радуюсь тому, насколько сильно меня бесит Джимми, потому что без него и без того проеба с камерой, который тот совершил, думаю, уже сдулся и комментирую не так воодушевленно.

– Второй наш претендент будто бы вырвался из глубин ада! Неподражаемый новичок, которого никогда раньше не

было на большой арене! – завожу я толпу сильней и сильней. – Новичок! Любитель длинных ножей и мечей! Опаленный в прошлом! Закованный в стальные латы! – толпа уже орет: «У-у, у-у, у-у, у-у». – Довакин и его труповод Скайрим! – объявляю я. – Вы представляете! Этот парень глумится над игровой индустрией как только можно, сравнивая все происходящее с большой и странной игрой! И ведь в чем-то он прав! Ведь посудите сами! Все, не считая одного индивида, вынуждены использовать пульта дистанционного управления, чтобы заставлять своих марионеток танцевать под невидимую, практически Гамельнскую, дудку!

На самом деле, этот персонаж мне нравится куда больше, и я уверен, что у него куда больше шансов на победу, чем у Батори. Да и Хэллсинг это прекрасно понимает, но вот что он задумал и для чего ему финал – вот этого я понять не могу. Быть может, какое-то пари, которое таким образом поможет ему поднять бабок даже больше, чем он поставил. Черт знает.

– И чтобы не затягивать... Бой! – кричу в микрофон, таким образом не давая толпе возмутиться или затребовать возможность обратного отсчета.

Хэллсинг – опытный участник и тоже уже не в первый раз выходит на арену со своим трупаном. Бывало даже, что он доходил до финальной битвы и практически выигрывал, но вечно что-то получалось не так: то пульт накроется, то его трупанетка поскользнется, то еще какая-нибудь чушь. Но

он не отчаивается, находит новых и новых не-живых девушек, причем достаточно симпатичных, и при помощи технологии эксгумации превращает их в машины для убийства. Вот только в этот раз, кажется, он несколько прогадал и поэтому решил не рисковать, воспользовавшись возможностью «покупки». В этот раз у него совсем миниатюрная особа, которая пусть и выглядит несколько устрашающе, но против громалы Довакина такая мало что сможет сделать, даже если вооружена нереально острыми и длинными лезвиями или каким-нибудь пистолетиком.

Собственно, после моей команды бой начинается. Хэллинг управляет своей маленькой Батори, искусно заходя в тыл огромному трупану в доспехах с рогатым шлемом на голове, но это не является самым действенным, что он может сделать. Да, маленькая трупанетка вооружена чем-то вроде бензопилы, но её мощности не хватает, чтобы пробиться через доспехи.

В связи с этим у меня появляется следующий вопрос: «А не слишком ли палевный получается заказняк?» хотя уже поздно что-то менять.

Я потихоньку комментирую действия и наблюдаю за зрелищем. Толпа ликуетанаблюдая за тем, как Батори летает над землей, каждый раз попадая под удар ногой Довакина.

– Итак, уважаемые зрители и телезрители, мы наблюдаем с вами интересную ситуацию, в которой будет всего один победитель, и, пусть даже бой будет продолжительным, но

очень интересным. И либо марионетка Хэллсинга все же заковыряет своего оппонента, либо Скайрим не выдержит и раздавит мечущуюся вокруг его гнилушника блоху! – говорю я. – Хотя, может быть, и случится какой-нибудь неожиданный-негаданный сюрприз! Не знаю! Посмотрим! – я специально играю словами таким образом, чтобы подбавить загадочности происходящему.

Спустя несколько минут Батори все же демонстрирует кое-что помощнее той небольшой бензопилы, которую при помощи прыжка втыкает меж доспехов и от постоянной работы которой Довакин постепенно заливается технической жидкостью, которую используют в своих детищах вместо топлива.

Козырем, который припрятал Хэллсинг в своей маленькой трупанетке, оказывается детонатор, что привлекает внимание не только меня, но и зрителей.

– Что бы это значило?! – удивленно интересуюсь я, обращаясь даже не столько к публике и озвучивая их мысль, сколько к труповоду. – Неужели это то, о чем я думаю, и целью Хэллсинга было воткнуть оружие ближе к шее своего оппонента?! – спрашиваю я, и зал затихает на вдохе.

Смотрю за тем, как Скайрим с помощью пульта подает своему трупану команды, чтобы вытащить застрявшее меж доспехами оружие, но у него это никак не выходит. Причем происходящее – не постановка. Джимми снимает его, и я вижу движения губ, которые вырисовывают далеко не самые

радужные слова.

«Кажется, Хэллсинг в итоге не столько платил за бой, сколько расплачивался со своей совестью, – думаю я. – Что-то мне подсказывает, что таким образом он пытался договориться с самим собой за то, что планирует сделать с трупам оппонента, а ведь, по факту, такое бывает редко, чтобы кто-то отрывал кому-то голову до финала, – усмехаюсь. – Хотя я могу и ошибаться».

– Довакин беспомощен! Довакин никак не может дотянуться до... И вы только посмотрите: Хэллсинг дает своей Батори команду обратного отсчета! Давайте поддержим! – кричу я, наслаждаясь зрелищем, и люди, которым лишь бы посмотреть на жестокость, начинают кричать вместе со мной.

– Два! – взрывается вся арена голосами и предвкушением, что же будет дальше. – Один!

Наступает тишина, за которой следует удивленное: «А!» а потом и взрыв.

– Кажется... Кажется, судьба решила распорядиться несколько иначе, – произношу я, чувствуя вес проблем, с которыми я только что столкнулся. – Кажется, сегодняшний победитель был определен слишком заранее, и сама жизнь показала нам свое улыбочивое лицо, чтобы сказать: «Не делайте выводы раньше време-е-ени-и-и!» – и хихикаю. – И наш подбедитель – Скайрим и его Довакин! Вы только посмотрите еще раз на произошедшее!

Запускаю съемку с камеры Джимми, что каким-то чудом уворачивается от внезапно полетевшей в его направлении бензопилы. А ведь он просто решил занять удобный ракурс и встал посередине между трупанами, по случайности чуть не превратившись в фарш.

В последнюю секунду Скайрим показывает класс и шоу всем нам. Он заставляет своего гнилушника сорвать наплечник, им подцепляет застрявшее оружие и каким-то образом, тем же куском стали, одним прекрасно-резким движением, бросает взрывоопасное оружие владельцу, который не успевает среагировать и нажимает на кнопку.

Бум! И соглашение между сторонами разорвано. А ведь я помню тот уговор: «Вывод из строя Довакина контратакует, делая шоу и радуя толпу».

– В который раз сама жизнь демонстрирует нам полезный урок о том, что нельзя недооценивать противника и что не надо быть тем самым «доктором зло» из классических фильмов, что долго треплется перед тем, как расправиться с героем! Решил делать – не тормози! – смеюсь я. – А мы вернемся на наше шоу после после небольшого перерыва на рекламу! Ведь наши следующие атлеты должны подготовиться и подойти к холодосику! – жму на кнопку, запуская рекламный блок.

«Сука... у меня всего десять минут... на все про все всего десять минут, – массируя пальцами глаза, я поднимаюсь и выхожу из рубки, после чего быстро перехожу на бег. – Надо

успеть разобраться с этим дерьмом до того, как станет слишком поздно».

Четвертый бой

Залетаю в ангар. Быстро бегу в сторону палатки, где происходила передача денег. Там представители двух команд стоят друг напротив друга и дисциплинированно ждут меня, чтобы разобраться с произошедшим. Они молча сверлят друг друга взглядами, и подобное меня удивляет. Конечно, пару раз в прошлом контракты разрывались по ходу боя, и после этого битва продолжалась уже в палатке, а тут тихо-мирно и спокойно... удивительно.

– Так, ребятушки, предлагаю поступить следующим образом, – сходу заявляю я. – Скай, ты отдаешь бабки, и все. Ты победил, ты молодец, – смотрю в сторону Хэллсинга. – Ты попробуешь в следующий раз. Тем более, ты неплохо поднимаешь на своих попытках, так что тебе нет никакого смысла жаловаться. – Всех все устроит?

– Пусть докинет сверху четверть суммы за... – начинает Хэллсинг, но тут же его перебивает Скай, который явно не согласен с подобным тезисом.

– Я тебя сейчас сам четвертую, а не четверть сверху накину, – рычит тот, кто до этого управлял огромным гнилушником под названием Трупан. – Ты, это, вообще пытался взорвать моего бойца! А мы так не договаривались! Уговор был о том, чтобы повреждений было минимум. А после этого взрыва никаким бы минимумом не обошлось бы, и что бы ты

потом сказал?! Что-то вроде: «Ребята, я вам заплатил, свои деньги вы заработали, пошли на хуй!», так?! Вот меня это не устраивает! И я согласен вернуть тебе твои бабки, но ни единой йотой больше!

Подхожу к Хэллсингу, кладу ему руку на плечо, отвожу чуть в сторону и шепотом обращаюсь:

– Слышь, парень, если ты решил играть не по правилам, то будь готов к последствиям. Я могу на первый раз закрыть глаза на случившийся косяк, но этот раз будет и последним... только в том случае, если ты перестанешь выделываться, примешь то, что тебе принадлежит, и пойдешь готовить новую трупанетку. В противном случае, ты больше ни единого раза не примешь участия в наших боях и, скажу больше, с тобой больше, вообще, никто и никогда не станет иметь дела. Можешь поверить и советую не тягать судьбу за яйца. Ты понял, парень?

Я стараюсь говорить шепотом, но при этом как можно более доверительно, потому что это очень хороший шоу-мэн, за счет которого процветают бои гнилушников и которого не хотелось бы потерять на таком шкурном и мерзком деле, как это.

– Но... уф-ф-ф... – выдыхает он.

– Никаких «но», – не даю ему склониться вперед после нанесенного ему удара в брюшину. – Ты слишком хорош в том, что ты делаешь. Поэтому закрыл свой рот, взял деньги и съехался отсюда по-доброму, а в следующем году: милости

жду тебя, милый сэ-э-эр, на очередной зарубе. Так что вопрос исчерпан. Мне пора вернуться в рубку.

Убираю руку с плеча, поворачиваюсь к Скайриму, который стоит, скрестив руки на груди и внимательно смотрит за моими действиями. В этот момент Хэллсинг переламывается пополам и склоняется над холодным полом.

Рукой показываю тренеру победившей команды выдать сумку. Спустя несколько секунд ожидания из-за спин команды Довакина выходит человек и кладет её передо мной. Беру, достаю оттуда пачку, после чего подхожу к до сих пор сложенному пополам и стоящему спиной к команде противника Хэллсингу. Бросаю сумку ему под ноги, наклоняюсь так, чтобы он хорошо мог услышать, что я ему прошепчу.

– Это мне за разборки и мою доброту, согласно которой ты пока что можешь продолжить крутиться в этой сфере, но запомни, пацан: еще раз, и твоя голова будет той, чью я пушу на церемонию открытия. Надеюсь, ты это понял и не станешь придумывать никакой лютой дичи типа мест» и прочего дерьма. Будь мужиком, прими поражение и готовься к следующей схватке в следующем году.

Прошептав это тяжело дышащему парню, поворачиваюсь к команде его соперников.

– Все. Конфликт исчерпан! Разошлись! – хлопаю в ладоши, и никто не смеет сказать мне ни единого слова. Каждый знает, что это может быть слишком дорогим удовольствием.

Как только команда Довакина оставляет палатку, поворачи-

чиваюсь лицом командному составу тех, кому согласился помочь ради их победы. На самом деле, я рад случившемуся, потому что это дало мне новый заряд ненависти к людям, и я не чувствую той усталости, которая внезапно навалилась под конец боя.

– Уведите этого. А мне пора, – обращаюсь я к членам команды. – И приведите в чувство этого идиота. Объясните, насколько он был не прав, отмораживая то, что отморозил.

С этими словами покидаю палатку и бегом возвращаюсь в рубку. Успеваю как раз за несколько секунд до конца рекламного блока. Переключаю оборудование на трансляцию боев, включаю заставку, после чего врываюсь в эфир и в холлос, над которым сидят в дорогих одеждах и ждут начала последнего отборочного перед полуфиналом.

– И-и-и всем еще раз привет! Джимми, ты готов творить шоу?! – спрашиваю я, и наемный оператор всего на миг показывается на экранах с кратким, но счастливым «да». – Отлично! В таком случае, последняя четверка и, хоспади! Кто бы мог подумать, что два самых обычных бойца будут выбраны жребием?! – смеюсь я – Короче, из правых дверей к нам выходит «мистер Треники»! – смеюсь еще громче. – Этого дядьку дочка решила использовать в качестве рабочей силы, а все потому, что он только и делал, что пил пиво перед ящиком и ничего другого не делал, при этом называя себя «от-эц». Девушку, что управляет не-живым, зовут Галя. Вот, видимо, и расплата, мистер Треники! – смеюсь я.

И, черт, больше всего мне нравятся гнилушники, связанные с семейными разборками! Их труповоды – самые остервенелые соперники, потому что, при всей ненависти к родственникам, в них есть и любовь, необходимая для желания одержать победу и не повредить кого-то из членов семьи.

– Из других дверей выходит боец. Обычный боец, которого где-то там выкупили и из которого сделали реальную машину для аннигиляции уже не-живых. Простой боец, которого называли Батыр, и, кстати, наверное, это единственный иностранный участник на нашей арене. Ну, как иностранный, нормальный, из ближнего и не совсем даже зарубежья. Зовут его Аликбек, и это действительно нормальный парень, который просто хочет победить. Мы с ним не так давно общались, и что-то мне так кажется, что его шансы высоки, потому что мистер Треникиб обычно в бою ничего экстраординарного не использует! Так, монтировку, дробовик, и там всякое! – рассказываю я о втором бойце, после чего, почти без плавного перехода, объявляю о начале боя. – В бо-о-ой! – и два бойца направляются друг к другу врукопашку.

В руке мистера Треники появляется бутылка, которую тот разбивает о голову Батыра. Как только это происходит, Аликбек произносит что-то на своем наречии, после чего направляет трупана в ноги оппонента. Спустя несколько мгновений тот, кем управляет Галя, исполняет сальто в воздухе.

– Вот это начало! Вы просто посмотрите, как бодро начали соперники бить друг друга! Это просто потрясающе, и

они решили показать нам реальное шоу, реальный бой! Мистер Треники смачно падает на землю спиной, и если бы этот мужичок, в прошлом любящий пиво, был бы живым, то такое падение было бы способным перевести его на следующий уровень! – кричу я. – Лицо Батыра немного осталось на земле. Несколько лоскутков и выглядывающий череп. Очень даже мило! Очень даже по-боевому!

Продолжаю комментировать и понимаю, что вот такой вот обычный мордобой мне нравится куда больше, хотя бы потому, что напоминает мне самые первые чемпионаты, когда трупаны под действием пультов двигались достаточно медленно, размашисто и где действительно было даже просто потно наблюдать за тем, как они разбирают друг друга по частям.

– Так... Галя должна будет забрать руку и попробовать присобачить её обратно в том случае, если выиграет, но пока что Батыр показывает класс! – смеюсь я. – Вы только посмотрите, как он старательно пытается оторвать ногу мистери Треники! Вы только посмотрите, что происходит – если бы трупан мог чувствовать боль, он бы сейчас сильно орал, но тут!.. – я резко меняю вектор своей речи – Джимми! Джимми, покажи зрителями, что происходит! И этого Батыр явно не ожидал!

Белобрысый оператор, от внешнего вида которого я хочу плевать, меня начинает трясти и от которого я автоматически закипаю гневом, быстро выполняет мое поручение и вы-

хватывает тот самый момент, когда мистер Треники выкидывает свой самый любимый козырь в виде дробовика, спрятанного в предплечье. Вообще, у него таких два, и тот, кто попадает под обстрел, обычно остается без конечностей, но тут все очень даже удачно для Батыра! Стоит посмотреть, как он ловко уходит из-под огня! А ведь первый удар пришелся по нему, и, кажется, камеры в глазах все же несколько пострадали от расколовшейся о череп бутылки.

– Вот интересно, будет ли им использовано какое-нибудь секретное оружие или он решил разобраться с оппонентом голыми руками?! Сделал себе небольшой челлендж?! Что думаете?! – обращаюсь к толпе, восседающей над ареной, где становится жарко от выстрелов, что преследуют не-живого бойца под названием Батыр и потихоньку, время от времени, все же выхватывают кусочки его мяса.

Джимми показывает зрителям, как ругается Аликбек. Он пытается активировать какую-то функцию, но на данный момент у него не получается, и по этой причине его трупан вынужден перекатами скакать по полю битвы, стараясь не попасть под очередной выстрел.

– Как думаете, дамы и господа, что задумал наш зарубежный друг, который явно что-то пытается включить?! – вопрошаю я. – Джимми, я понимаю, что там немного опасно, поэтому, в принципе, чтобы избежать попадания под выстрел, ты можешь подняться ко мне, сюда, в рубку, чтобы пропустить этот бой, – обращаюсь к оператору, стараясь проявить

хоть немного человечности и чтобы впоследствии меня никто не стал винить в его смерти, ибо я предлагал уйти отсюда, где жарко.

– Нет, все в порядке! Тем более, такие ценные и прекрасные кадры! – кричит он в свой микрофон и этим подписывает отказ от моей ответственности за понесенные им травмы или, в самом печальном для нашего шоу случае и для всей киноиндустрии в том числе, летальный исход.

– И-и-и! Батыр вновь прыгает на мистера Треники и начинает пытаться оторвать ему голову! Вы только посмотрите на это! Вот, в замедленном режиме! Вы видите, как он увернулся от очередного выстрела, извернулся, после чего прыгнул! У-у-у-у-ху-ху! Нормальный человек так не смог бы, но этот! Аликбек явно припрятал козырь в позвоночнике своей трупанетки! – вывожу на экраны изображение с камеры Джимми, который продолжает внушать мне доверие и отвращение одновременно. – Мистер Треники возвращает руку в нормальное состояние и начинает шарить ей в поисках удобного места, чтобы ухватить Батыра. Я вижу, как матерится Галина! Вы просто посмотрите на эти эмоции, что она показывает! – навожу одну из камер холодоса на девушку, чье лицо невероятно красное, вены и жилы на шее как пластиковые трубки, а глаза навывкате. – Ух! Какая женщина! Какой нрав! Такое чувство, будто бы она сейчас спустится с постамента для самоличной расправы над опасным по всем параметрам Батыром, у которого, как мне кажется, есть еще

чем и как ударить по мистеру Треники! – переключая камеры и показываю действие со всех сторон, но тут мой взгляд улавливает странную вещь.

Я замечаю что-то вроде небольшого проводка, тянущегося от головы гнилушника, которым управляет Аликбек.

– Джимми... – обращаюсь я к оператору по скрытому каналу, еще раз запустив повтор того, как Батыр наскочил на мистера Треники, а потом реакцию Гали. – Убирайся оттуда как можно дальше!

У меня действительно очень плохое предчувствие, особенно с учетом одной детали: бомжеватого вида мужчина, что в самом начале орудовал бутылкой, практически дотянулся до того небольшого кусочка меди, запечатанного в изоляцию.

– Дамы и господа! В скором времени мы увидим, чем закончится этот бой, и что-то мне подсказывает, что выиграет Батыр!.. – веселым голосом возвращаюсь в трансляцию. – Хотя кто знает?! Кто знает?! – выведя ту самую точку, куда тянется мистер Треники, себе в маленький квадратик. – Если отец Галины не справится с давлением, оказываемым Батыром на его шею, то Аликбек и его гнилушник выиграют! А этот момент все ближе, ближе и ближе, – а сам наблюдаю за пальцами, что тянутся к черной ниточке, что выбилась из-под кожи и выглядит настолько странно, что вызывает в моем сознании странные и ужасные волнения. – Ваши ставки, господа! Давайте, начинайте кричать, кто станет победите-

лем! – обращаюсь я к аудитории, и спустя секунду та делится на две части.

Одна кричит «Тре-ни-ки», вторая «Ба-тыр», и это прекрасно. Наверное, ради таких моментов этой блядской работы и стоит жить.

Голова мистера Треники начинает потихоньку отрываться от шеи. Слегка подгнившая кожа расплзается, обнажая уже не совсем свежее мясо, которое выглядит достаточно нехорошо.

«Без паразитов, и слава богу!» – думаю я, смотря на это в приближении. Зрелище, прямо скажем, не самое приятное.

Толпа орет, и в один миг трупан, принадлежащий некоей Галине, все же дотягивается до проводка и выдергивает. Я не совсем понимаю, как это работает и видит ли происходящее сама Галина. В любом случае, даже если это стечение обстоятельств, то очень интересное, потому что как только гнилушник дотягивается до проводочка, он его дергает, вырывая с мясом и прочерчивая по телу Батыра борозду.

– Вы видели, что произошло?! – весело заявляю я, а внутри все начинает трястись от непонятного страха. – Кажется, мистер Треники заработал себе еще один шанс выйти из этого боя победителем!

Я демонстрирую всем оказавшийся в руках трупана длинный черный провод. В это время Аликбек, ругаясь одновременно на всех языках, которые ему известны, пытается восстановить управление Батыром. Причем, именно восстано-

вить управление, потому как все его внимание сосредоточено в первую очередь на пульте, а трупанетка никак не подчиняется своему эксгуматору. Выглядит это ужасно, но весело, учитывая, что Галя отвлеклась и ликует громким матом в отношении оппонента.

– У нас два участника. Один не подчиняется своему труповоду, второй, пусть и без руки и со слегка болтающейся головой, но относительно целый и способен к движениям. Что ж, кажется, на этом все! Давай, мистер Треники, последний удар за тобой! – смеюсь я, и вроде бы тот страх, который меня одолевал раньше, отступает в этот момент, пока я не замечаю, как Аликбек машет руками. – Интересно...

Вновь волнение и взгляд на ту часть монитора, где Батыр отплясывает что-то из разряда шаманского-упоротого в хлам.

– Наш участник выглядит очень взволнованно и хочет что-то сказать! – весело произношу я в микрофон, понимая, что ничего веселого, скорее всего, не узнаю.

В следующий миг, всего за несколько секунд до того, как я собираюсь перенастроить аппаратуру на подачу голоса в холодос и микрофоны до уровня чувствительности, что способен уловить человеческий голос в той неразберихе, Аликбек выбрасывает пульт и бросается бежать в том же направлении, куда унесся Джимми по моему приказу. Страх падает на мои плечи, и я понимаю, что здесь не просто что-то неладное, а должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

– Уважаемые зрители. Мой вам совет... прижмитесь к стеночке, пожалуйста. Только аккуратно, без давки, – произношу я, но слишком поздно чтобы принимать какие-то меры.

Джимми снимает происходящее и то, как Батыр трясется, а мистер Треники неспешно, под выкрики Гали, подбирается к оппоненту. Потом он показывает, как к нему бежит Аликбек, без пульта и с такой скоростью, которую можно ставить в пример олимпийцам.

Джимми не прекращает снимать и застает уникальные кадры того, как Батыр превращается в пустое место, забирая с собой еще и тело мистера Треники, от которого также ничего не остается...

Арена, на которой происходила битва, при этом начинает напоминать огромную воронку из бетона. Толстенные стекла, установленные в нескольких метрах на расстоянии от земли, частично лопнули и разлетелись, некоторые растрескавшиеся остались на своих местах.

Меня раскачивает во все стороны одновременно. Я больно бьюсь локтями, головой, плечами, коленями о начинку комментаторской будки. Виной этому взрыв, что аннигилировал двух трупанов и некоторое пространство арены, сделав воронку, остановленную в бетоне.

– Вот это да... – заявляю я на тяжелом выдохе, ощущая сердцебиение всем телом.

«Надо что-то сказать! Надо что-то сделать до того момента, пока не поднялась паника... но что?!»

Паника в моей голове в ответ на это выдавливает из легких продолжительное, живое, громкое, веселое:

– Да-а-а-а-а! Вы подумайте, что только что случилось! Два противника расправились друг с другом самым невероятным и захватывающим способом, что сделал и нас с вами частью представления! Подумайте, дамы и господа! Вы не просто просидели весь день за прочным толстым стеклом, которое придется поменять, но и ощутили на своей шкуре настоящий драйв! – весело треплюсь я, а сам уже считаю убытки и затраты на судебные издержки, которые придется выплачивать всем недовольным.

«Сука... Аликбек, ты станешь частью следующей церемонии открытия, потому что таким баловаться нельзя! – думаю я, вспоминая государственное соглашение на проведение подобных чемпионатов. – А ведь если пострадает больше сотни, то мне придется прикрывать лавочку продажи билетов. И черт с ним, с залом... Восстановить его не так сложно и даже откупиться от этого можно, но от затаивших обиду... от них не получится», – думаю я, стараясь понять, каким образом двигаться дальше.

В итоге, не найдя ничего лучшего, кричу в микрофон:

– Покажите мне настоящий разнос и выбейте все стекла! – со смехом наблюдая, как бесчисленная толпа быстро спускается в сторону перегородок и весело начинает их высаживать. – И... у нас нет победителя этого круга! Поэтому я прерву шоу на рекламу, чтобы принять решение о том, в каком

направлении будет развиваться наше шоу дальше! – весело заявляю публике, после чего вновь врубаю рекламный блок, а вслед за ним повторы, которые уже были переданы в рубку.

На самом деле, я уже решил, что будет дальше с битвой не-живых, а вот что делать с Аликбеком, мне ещё предстоит решить. В связи с этим я буквально бегу в холодильник, в ангар, где происходят все подготовительные работы участников. Я понимаю, что без моего плевка или чиха ничего не произойдет, и по этой причине бегу со всех ног.

Как только оказываюсь в огромном помещении, где расположены палатки и те, кто наблюдал за всем с экранов, кричу: «Где Аликбек?!» оставаясь в рамках цензуры но только потому, что хочу в лицо ему сказать все, что думаю.

Мне указывают на палатку, в которой происходит резкое движение и около которой крутится Джимми.

– Так! Некрос, Внучок, Скайрим, готовьте своих трупанеток к выходу. Будет полномасштабное дерби, из которого выйдет только один победитель, – говорю я, и они, понимая, что со мной спорить нет никакого смысла, послушно расходятся по своим подготовительным местам. Я же направляюсь к нашему иностранному другу, который собирает всю команду, оборудование и старается свалить до моего появления.

«Хуй вам!» – с этой мыслью я залетаю в подготовительный центр, где такая суета, которая может дать фору муравейнику.

– Где ваш эксгуматор? – спрашиваю, и все, тут же осознав, что со мной лучше не шутить, указывают в сторону грузовика, на котором сюда был привезен Батыр и все необходимое для участия в боях. Направляюсь туда и в кузове нахожу Алибека. Тут же, без капли стеснения, без задней мысли, практически с разбега, пяткой наношу ему удар в живот. Он сблевывает мне под ноги.

Подхожу, хватаю за волосы и натягиваю, поднимая лицо таким образом, чтобы можно было задать всего один вопрос:

– А про небольшой крайне опасный топливный боезапас, способный поднять нас всех в небеса, ты мне забыл отчитаться в комплектации своего гнилушника, так, уебок?!

– Нет... нет... это ошибка... такого не должно было случиться! – отвечает он.

– А какое должно было случиться?! – весело спрашиваю я. – Полное уничтожение всего, так?! Или что ты хотел доказать тем, что вмонтировал в своего атлета атомный заряд, который позволит ему работать тысячелетиями на одной батарее, а?! Нетленность трупа?! Или ты таким образом хотел оставить потомкам прошлого музейный экспонат в хорошем качестве?! Или что?! Ведь все прекрасно знают, что использовать можно только то и только так, чтобы уничтожать гнилушников противника, а не, сука, частную собственность и не подвергать опасности зрителей!

Я вызвал охрану, ещё пока бежал сюда, и в этот самый момент служба безопасности является на место.

Как же мне хотелось расколошматить голову этому идиоту. Взять за волосы и с разворота, со всей дуру, что есть в моем организме, шваркнуть об стену лицом, но уже поздно. В принципе, удар я сделал, и даже его достаточно, чтобы засудить меня... но это того стоит! Я рад тому, что ударил со всей силы и заставил этого ублюдка проблеваться!

– Уведите его и сдайте правоохранительным до выяснения обстоятельств. Думаю, в следующий раз мы встретимся в суде, где будем выяснять, сколько с него взыскать и каким образом, – говорю я и морщусь от омерзения. – Эх ты, Аликбек, а ведь я так хотел, чтобы ты стал частью семьи, что из года в год если не участвует в шоу, то хотя бы пытается пройти отборочные, на чем тоже зарабатывает неплохие бабки, – выдыхаю я, разворачиваюсь и иду прочь из холодильника. Я понимаю, что мне предстоит обратиться к зрителям и рассказать им о повторившемся уникальном случае проведения финальной битвы.

– Джимми! Джимми, ты меня слышишь? – обращаюсь я к оператору, на сохранность которого надеюсь, вспоминая самоотверженную работу и ту запись, которую можно оценить как бесценную, потому что он заснял взрыв и все его последствия.

– Да, мистер Мэйсон, я вас слышу. Не без помех, но думаю, что это нормально, учитывая, что здесь произошло, – говорит он, и я напрягаюсь, услышав о помехах.

– Отлично, – отвечаю я ему. – Смотри, сейчас будет фи-

нал. В финале будет дерби.

– Да ладно?! Повторение исторического случая?! Оставшиеся бойцы друг против друга?! Кто останется в состоянии двигаться, тот и победил, да?! – Джимми орет в свое связное устройство, даже не подозревая об этом. Делаю выходной сигнал тише, прекрасно понимая, что оператор, скорее всего, неплохо так оглушен, с учетом того, насколько сильно жахнуло взрывом.

– Да. Так. Так что тебе чертовки везет, парень! Очень и очень сильно везет! – с улыбкой на лице отвечаю я ему, после чего возвращаюсь в реальность с мыслью: «Он меня слышит через помехи... вот же дерьмо... Ну да ладно, постараемся придать этому шарм».

Финал

– Да-а-амы и господа-а-а! У нас сегодня крайне редкий случай! Тот, который случался дважды за всю историю проведения боев гнилушников! В финал вышло всего три участника, и поскольку было бы совершенно несправедливо выпустить одного целенького против второго битого, мы устриваем де-э-эрби! Каждый сам за себя! Кто из бойцов останется целым или подвижным, тот и победит! Номер два автоматически отправляется на следующую церемонию открытия, которая пройдет через год! Номер три... С номером три можно делать все, что не запрещается! Хоть отрывать части и использовать их в качестве биты! – смеюсь я, а толпа заливается восторженным ором. – Заранее прошу прощения за нарушения или ухудшение качества сигнала. Это связано с поломками на линии, но мои инженеры делают все, что в их силах, чтобы восстановить не только качество видео, но и качество звука, которое пострадало куда больше из-за звуковой агрессии взрыва!

Я стараюсь обогнуть все острые углы, которые только есть в данный момент, чтобы сделать трансляцию особенной и доказать людям историческую ценность этого момента.

– А также, уважаемые зрители! Прошу вас запомнить этот день! Запомнить и подчеркнуть как лучший с момента начала этих битв, боев, столкновений! – смеюсь настолько зара-

зительно, насколько только могу, и толпа, наблюдающая за боем, взрывается радостными криками. – Вы только представьте, что случилось! Взрыв! И все целы! А еще вы смогли похулиганить! Повывбивали все окна, что здесь были, потому что за потрескавшимися стеклами ничего не видно, а так пусть и холодно, зато невероятный вид и есть возможность зашвырнуть в ненавистного вами труповода чем-нибудь... но лучше этого не делать! Запомните, между выступающим на арене и нами – всего одна секунда реальности! – я смеюсь, а вот зрителям не смешно. – Ладно, первый вышедший победителем участник – Бабуленька и её Внучок, что сделал из дамочки машину для уничтожения себе подобных, эксгумированных нашими некромантами, родственников и не очень близких, проданных своими близкими, людей!

Дверь холодоса поднимается, и оттуда появляется Бабуленька, которую, старательно делая вид сопереживания и помощи, под ручку выводит парень с прической от лба до того места, которые англичане используют в качестве ругательства «мудак», коим этот парень и является.

– Давайте встретим второго участника! – весело заявляю я. – Некрос и его Трупан! Тот, кто всегда показывает нам ужасное и в то же время прекрасное шоу мяса, преобразований и смерти! Тот, кто в очередной раз смог удивить нас и продемонстрировал, как может работать гнилушник, напрямую подключенный к мозгу!

Я до сих пор не верю, что один из постоянных участни-

ков проделал над собой подобную операцию и теперь живет одновременно двумя мыслительными процессами и телами; он разделяет свое сознание на две части и каким-то образом умудряется при этом жить и действовать.

– Вы только подумайте о том, насколько сложно ему воспринимать жизнь сразу с двух углов обзора! Вы только представьте, что он может переключаться от одного мозга и переносить свое сознание в другое тело и качественно другое существование! Вы можете представить подобное?! Я – нет! И как бы вы ни любили или ненавидели этого персонажа, он великолепен и из года в год продолжает радовать нас своими выступлениями и переделыванием Трупана, от которого осталось не так-то много частей! А еще вы только подумайте! За все годы он использует один и тот же мозг! Одну и ту же голову! Только подумайте! Третьи, четвертые места он занимал всегда, но ни разу первого и второго! Ни единого раза он не позволял никому разбить то, что осталось от его благоверной, чье скопление нервных окончаний давно хранится под бронированным стеклом!

Я смеюсь вновь и слушаю, как публика поддерживает мои слова громкими овациями, улюлюканьем, криками, руганью и радостными криками. Для меня все это – музыка. Прекрасная и ужасная одновременно. Та, от прослушивания которой я получаю искреннее и истинное удовольствие и которую ненавижу всем своим нутром на все сто процентов и даже больше. Музыка, которую я слушаю на протяжении два-

дцати или даже больше лет и которую продолжу слушать до смерти и после, когда следующий шоу-мэн эксгуматор делает из меня гнилушника и заставит танцевать на открытиях боев.

– И давайте поприветствуем нашего последнего участника! Это Скайрим, который управляет Довакином! Интересно и забавно получается в этот раз! Две барышни и всего один мужчина, но зато какой! Вы только посмотрите и сравните их размеры! Даже Трупан Некроса не выглядит настолько внушительным и большим, как эта груда мяса, которую... черт! Я даже не знаю, где Скайрим смог найти этого доброго молодца! Ладно, не могу представить, где нашел! Мне интересны те обстоятельства, по которым он потерял тепло собственного тела! А ведь об этом нет никакой информации! Скайрим молчит как партизан, не колется! И у меня даже такое чувство, словно спрашивать совершенно бесполезно. Может быть, когда-нибудь и получится вытащить из него что-нибудь, но пока что я, как и вы, находимся в вакууме... – я умолкаю, как затихает и холодос, точнее, зрители, которые с открытыми ртами вновь наблюдают за огромной трупанеткой в рогатом шлеме, что достаточно быстро двигается и сейчас уверенно размахивает огромным топором, под режущую кромку которого лучше никому никогда не попадаться. – Вы только посмотрите на эту мощь! На этот громадный кусок мяса, способный двигаться и, как мне кажется, способный оказать отличное сопротивление Трупану Некроса,

который словно проектировался специально как нечто способное противодействовать такой силище!

Смеюсь, и мой смех подхватывает толпа.

– Джимми, давай, покажи нам троих конкурсантов, которым сейчас предстоит выступить друг против друга в умопомрачительном дерби, в котором есть три класса бойцов! Обратите внимание! У нас есть тяжелый Довакин! Есть гиперлегкая Бабуленька, которая является очень опасным противником с её этой странной тростью! А еще обратите внимание на появившуюся в этот раз сумочку и повязку на голове! Зная Внучочка, могу сказать, что это все не просто так! Что эти, казалось бы, простые предметы сыграют свою роль, внесут свою лепту в бою, который нам предстоит увидеть!

Толпа взрывается женскими выкриками, и черт, если бы при его первом выходе не было бы выброшено такое количество лифчиков и трусиков, уверен, сейчас бы полетела вторая порция.

– И давайте уже, наверное, начинать! Сказать о Трупане, который выглядит как средний боец, будет самым достаточным объявлением... – сказал я, прокашлялся, после чего начал счет на месте, дабы дать толпе почувствовать необходимый ритм.

Все знают, все уже привыкли к такой моей фишечке и сейчас, как это обычно и бывает, быстро подхватывают и самостоятельно отсчитывают начало боя.

Как только заветное слово произнесено, тремя пальцами

я нажимаю на три кнопки, которые запускают вокруг арены искрящиеся фонтаны, дым и выбрасывают из-под купола бесчисленное количество блесточек. Так начинается последнее сражение этого вечера, и развивается оно крайне динамично. Даже помехи и отзвуки, которые сопровождают каждое слово и которые делают картинку даже атмосферней и как-то ламповее, что ли, не мешают нашему шоу оправданной жестокости, поддерживающей освобождение и мысли и нутра от всего того дерьма, которым мысли и нутро имеют свойство сильно забиваться под действием жизни.

Начало боя настолько стремительное, что Джимми, который крутится рядом с гнилушниками, с трудом успевает унести ноги, чтобы случайно не остаться без них, потому что Довакин, под управлением Скайрима, сразу начинает круговую атаку, которая заключается в тупом размахивании топором вокруг собственной оси. За счет огромных габаритов и оружия, и трупанетки вращение получается быстрым, легким и смертоносным, которое еще и продвигает Довакина, пускай медленно, но в направлении противников.

Одновременно с викингом в бой вступает Бабуленька, которая быстро и ловко увеличивает дистанцию, отходя как можно дальше от обезумевшей громадины, что вращается и потихоньку смещается в сторону своих противников. А вот Некрос со своим Трупаном стоит на месте. Точнее, он вообще ничего не делает. Не предпринимает даже малейшей попытки уйти с линии поражения топором. Я, конечно же,

комментирую каждую, даже самую маленькую деталь, при этом выхватывая бесценные кадры, что снимает Джимми, который настолько же прекрасно выполняет свою работу, насколько сильно бесит меня своей рожей и насколько много уважения вызвал у меня когда-то первой же своей фразой.

– Пока что я не могу понять, что происходит! – восторженно произношу я, и мой голос с легким эффектом эха доносится для зрителей и телезрителей. – Мне это нравится, потому что дарует не просто интригу, а веру в нечто прекрасное! Но что может быть прекрасней того взрыва, причиной которого стал Батыр нашего Аликбека?! Или может ли быть что-то прекрасней той церемонии открытия, которую нам подарили Большой папочка и его Доченька, а?! – пытаюсь подогреть зрителей своими, в целом, бессмысленными и никому не нужными вопросами, которые на самом деле фокусируют внимание на происходящем даже лучше, если бы я сказал: «А ну-ка, давайте в игру подбей трупана пивной бутылкой!»

В это время Бабуленька активизирует свою адскую пилу и под музыку, в осатаневшем танце, направляется в гущу событий. Двигается она в несколько десятков раз быстрее Довакина, и выглядит это так, словно они каким-то образом успели договориться о том, что сначала надо вывести из битвы главного и непредсказуемого психопата, а потом уже решать, кто станет победителем, а кто номером вторым.

– Вы посмотрите что они делают! Вы только обратите вни-

мание! Мне кажется что Внучок, что Скайрим просто боятся Некроса и его Трупана, в связи с чем хотят как можно скорее избавиться от опасного конкурента, после чего сразиться более-менее наравне. Сверхтяжелый против сверхлегкого! Но это только предположение, потому что Некроса и его трупанетку стоит опасаться! – подначиваю я, в связи с чем получаю две волны: негодования и поддержки одновременно. – Всего несколько мгновений до столкновения! Всего несколько сантиметров – и свершится! – кричу я в микрофон, с нетерпением ожидая, каким образом развернутся дальнейшие события, и остаюсь довольным!

Тело эксгумированной и уже бесчисленное раз переделанной молодой девушки, сейчас обшитой кусками мяса, начинает двигаться с невероятной скоростью, с легкостью обходя сразу два направленных удара: горизонтального от Довакина, что, вращаясь вокруг собственной оси, правит топором, и рубящего вертикального в исполнении мертвой старушки со смертоносным боезапасом и огромным количеством разнообразных приспособлений для аннигиляции противника. Трупан Некроса с такой легкостью уклоняется, что никто сначала даже понять не может причины произошедшего: почему Бабуленька летит, прочерчивая из центра арены радиус, причем с такой скоростью, которую с трудом улавливает глаз. Приходится врубить замедленный повтор, чтобы пронаблюдать стремительный полет престарелой любительницы котиков, которая оставила все свое наследство пушистым,

показав труповоду, насколько ей насрать на него как на родственника, как на близкого, как на того, кто так надеялся на бабки, ушедшие котейке.

– Ух ты ж, ешки-макарёшки! – цензуратор заменяет сказанное мной «ебаный пиздец!» – Вы это видели?! А слышали этот звук, с которым улетела Бабуленька?! – еще раз запускаю повтор и через помехи демонстрирую полет замечательной престарелой птицы с тростью в виде странной, причудливой бензопилы, которая и придает её полету интересный звук, напоминающий жужжание шмеля.

Меж тем Трупан просто стоит и словно внимательно наблюдает за дальнейшими действиями оппонентов. За тем, как Довакин опускает свой топор, останавливая вращение. За тем, как Бабуленька пытается выбраться из стены, в которую её вбило, словно дюбель.

– Что же будет дальше?! Попробует ли Скайрим направить своего бойца на помощь Бабуленьке или... Не-е-ет! Как и ожидалось, эксгуматор приказывает своей трупанетке вновь подхватить топор и ринуться в бой. Таким образом, Довакин начинает бросаться на Трупана, но тот ловкими, легкими движениями, не испытывая никаких проблем, уходит из стороны в сторону, – комментирую я. – Черт! Я занимаюсь этим с самого начала! С самого первого представления, потому что основал это дело, но никогда я не видел, чтобы не-живой двигался с такой простотой, легкостью и четкостью! Это просто невероятно! Вот на что способны

новые разработки! Вот что нам демонстрируют технологии настоящего времени, которые позволяют сознанию быть в нескольких точках одновременно и управлять процессами! Считайте это новой ступенью развития нашего общества! – смеюсь я, а сам с ужасом наблюдаю за боем Довакина и Трупана.

Перевожу взгляд на Некроса, который словно пребывает в состоянии транса. Он стоит с открытыми глазами, раскачивается из стороны в сторону и выглядит при этом крайне жутко со своими длинными, черными, засаленными волосами.

– Обратите внимание на то, насколько сосредоточен Скайрим, который пытается ударить! Посмотрите на то, насколько выведен из себя Внучок, который изо всех старушечьих сил пытается вытащить свою Бабуленьку из бетона, но это не получается! Кстати, мне теперь интересно узнать, из чего он сделал ей скелет, что она насколько глубоко ушла в стену! – смеюсь и слышу полную отдачу от аудитории. – И вы только посмотрите на расслабленное состояние Некроса. Кажется, он вообще не здесь! Такое чувство, будто бы ему совершенно наплевать на события, которые сейчас разворачиваются в холодосе!

Смотрю на Джимми, который суетится и чуть ли не повторяет увороты Трупана, чтобы получить самые сочные и подвижные кадры.

– А теперь давайте пронаблюдаем за виртуозной работой

нашего сегодняшнего оператора, который явно нуждается в деньгах и получит не только каждую отработанную им йоту, но и некоторое количество сверху, учитывая старания и все те записи, которые в нарезке вы скоро сможете увидеть в специальном выпуске с комментариями специалистов-экспертуматоров, труповодов и боевых технологов! Так же вы узнаете о мыслях победителя, о стремлениях тех, кто вылетел, и прогнозы о том, каким будет следующий год! Но это еще не все! В этом году мы сделаем отдельное небольшое шоу о том, как наши участники готовят и создают свои прекрасные и смертоносные машины! Конечно, показ будет только для совершеннолетних, но поверьте: те, кому дорого наше шоу, по достоинству оценят тяжелый труд, который совершается только для вас, наши любимые и многоуважаемые зрители!

Это я произношу со специально оттренированной интонацией и подачей торгаша, который должен протолкнуть свой товар.

– Вы только посмотрите! Бабуленька при помощи трости все же смогла выбраться из сделанной ей пробойны и теперь со всех ног мчится отомстить за тот позор, которому её подвергли. Выглядит это, конечно, комично! – я смеюсь, как и весь зал, в то время как Джимми в очередной раз показывает себя с наилучшей стороны. И как бы сильно меня ни выбешивала его рожа, он прекрасно справляется с работой, и я уже готов подписать ему жирный чек, чтобы впоследствии пустить все кадры под абстрактные ножницы монтажера, ко-

торый сделает из материала просто бомбу, просто сказку, просто то, на чем я смогу обогатиться и что потом будут продавать как особый раритет, потому что в моих планах сделать ограниченную серию продукта под названием «мультимедийный дополнительный контент для настоящих поклонников».

– Вы видели, что произошло?! Тихо! Стоп! Давайте перемотаем, потому что я не понял, что произошло! – неуверенно посмеиваюсь я и сразу начинаю перематывать и воспроизводить в замедленном режиме. На экранах разворачивается следующее действие: Трупан Некроса в каком-то гипер-быстром режиме делает несколько шагов в сторону, затем бьет Довакина по предплечью, в котором обладатель рогатого шлема держит топор.

– По всей видимости, удар был настолько мощным, что просто порвал жилы в предплечье Довакина, и тот непреднамеренно отпустил топор, который сделал дугу над полем боя и улетел в сторону зрительского зала, – проговариваю я, чувствуя, насколько сильно горят мои лицо и уши в предвкушении куса дерьма, что должен обрушиться на меня.

«Да, первые чемпионаты были пусть и не столь зрелищными и крутыми, но явно в сотни раз безопаснее, чем те, что есть сейчас», – думаю я, одновременно с этим обращаясь к залу:

– Как вы?! Все целы?! Мы продолжаем или останавливаемся?!

«Судя по крикам толпы – продолжаем!» – думаю я, слыша, сколько негодования сквозит в голосах тех, кто за баснословные барыши приобрел билеты.

– Точно все целы и живы?! Точно оружие Довакина не нашло себе цель получше Трупана, которым управляет Некрос?! – вновь обращаюсь я к залу. – Мне бы не хотелось попасть за решетку, если кто-то решил промолчать! – вновь искусно снимаю с себя ответственность под общий крик «Да!», проникающий в мою будку сквозь трещины и заставляющий таковые вибрировать и трещать.

Бабуленька быстро приближается к объекту своей ненависти и наносит несколько дистанционных атак, которые больше похожи на удары хлыстом; каждый из таковых достигает цели, но цели на все эти потуги, по всей видимости, насрать. Даже когда гнилушник под управлением эксгуматора Внука наматывает свою цепь с зазубринами вокруг тела Трупана. Даже когда она активирует какой-то совершенно мощный режим и с тела наконец начинают полным ходом отлетать каким-то образом зафиксированные куски чужой плоти, которые Некрос приделывал, пришивал, прибивал и так далее, чтобы сотворить подобные шарика.

– Как думаете, чем это закончится?! – спрашиваю я, в то время как Довакину зрители скидывают со своих мест его огромный и невероятно тяжелый топор, которым ему придется как-нибудь обходиться при помощи всего одной руки.

А битва продолжается и словно принимает новые масшта-

бы и обороты. Я вижу, как Трупан, делая сальто, покидает плен подобия бензопилы Бабуленьки, переворачивается в воздухе, приземляется на обе ноги, после чего каким-то совершенно невероятным прыжком с вращением не то чтобы выбивает оружие из рук оппонента, а практически отнимает руку у такового. И если бы не какая-то невероятно жесткая сцепка суставов, костей и так далее престарелой кошатницы, то часть тела отправилась бы на другой конец холодоса, а тут... Сначала вылетает боевая трость-пила и рассыпается на огромное количество мелких производных частей, а затем и старушка, второй раз за этот бой, направляется в сторону бетонной стены.

– Бам! – кричу я, озвучивая столкновение скрюченной неживой старушки с твердой толщей. – Вы только посмотрите, с какой легкостью Трупан и Некрос, который ей управляет, расправляются с противниками! Это удивительно! Невероятно и прекрасно! Вы только посмотрите на эти движения и скорость реакции, которые демонстрируют эти участники, в то время пока Внучок и Скайрим пытаются вывести из строя бойца! Кстати, обратите внимание! Лицо Некроса, оно немного изменилось! Джимми, покажи поближе!

Оператор быстро направляется поближе к труповоду чтобы показать его лицо.

– И без того бледный, он выглядит как-то синюшно, и эти кровавые слезы говорят лишь о том, что наш участник сейчас рискует многим ради победы! Он вкладывает себя,

свою адекватность и жизнь в победу, и с одной стороны, это прекрасно, а с другой – заставляет переживать за его здоровье! Но не бойтесь, скорая помощь уже дежурит около ворот холодоса, и в том случае, если эксгуматор отключится, нам придется поставить все на короткую паузу.

В моем голосе напряжение и волнение. Я уже вызвал бригаду, и она действительно готовится зайти внутрь в том случае, если Некрос свалится без чувств.

– В любом случае, пока что мы не имеем права вмешиваться в проведение боя... А вот у Некроса, по всей видимости, очень мало времени, и по этой причине он решил показать класс и наконец перейти в активное наступ... – я замолкаю на половине слова, потому что Трупан начинает совершать какие-то странные движения... Они выглядят даже страшнее тех, которые исполнял Батыр Аликбека перед взрывом.

В связи с этим я прошу всех зрителей отойти как можно дальше от пустых глазниц окон, где больше нет бронированных стекол, через которые можно было смотреть представление без особых переживаний за жизнь и здоровье.

– Дамы и господа! Во имя и в стремлении не допустить ваших травм настоятельно советую отойти как можно дальше от края, – произношу я, и зрители послушно отступают вглубь. – А теперь посмотрите на Трупана, который своими дерганиями раскидывает оставшиеся на нем лишние куски мяса. Выглядит это так, словно так и задумывалось, и

смотрится ужасно! Завораживающе, ужасно и одновременно с этим прекрасно!

Спустя несколько секунд я смотрю на ту не-живую девушку, которую Некрос впервые привел на выступление в боях. С того момента она практически не изменилась... Если за изменения не считать огромное количество швов, то можно сказать, что вообще не изменилась. Я вижу девушку, которая разбегается и устремляется к приближающемуся Довакину, что уже занес свой огромный топор для удара. Кажется, Скайрим намерен сыграть на чувстве инерции и попробовать прихлопнуть некрупную девушку. Они сближаются и... топор вздымается в небо, лезвие ловит световой луч, бросает яркий блик. В следующий миг слышу громкий удар стали о землю. Раздается гулкий звон.

– Охренеть! Просто охренеть! – я скачу по рубке в изумлении от увиденного. – Да! Это точно исторический бой и день, который войдет в историю не только нашего шоу, но и всей индустрии развлечений в принципе! – слушаю, как цензуратор быстро правит огромное количество вырывающихся из моих легких нецензурных слов. – Мы словно попали на демонстративный показ какого-то анимационного фильма высочайшего разрешения, чья картинка специально стилизована под изображение прошлого века! – громко смеюсь, перемежая смех матом, от увиденного. – Давайте еще раз посмотрим этот момент! Давайте разберем его по секундам, потому что и до того момента у нас в наличии есть эта пара секунд!

Перематываю. Показываю и сам наблюдаю за тем, что глаз просто не смог, не успел уловить, в очередной раз доказывая отсутствующее совершенство живого тела.

– Вы только посмотрите на то, как Довакин останавливается и как быстро благодаря этой остановке движется топор!

Вывожу изображение на экраны, которые установлены по всей арене. После взрыва они показывают не так хорошо, но этого достаточно, чтобы рассмотреть, как Трупан, достигнув тела своего огромного оппонента, ловко уворачивается от удара и сама наносит всего один, столь мощный, что в районе пуза обладателя рогатого шлема образуется огромная сквозная дырень.

– Невероятно! Довакин повержен! Его просто не стало! Из него выбили кусок, и все процессы автоматически остановились! – кричу я, прыгая по своей рубке. – Джимми! Джимми, ты заснял это?! Ты успел поймать момент удара?! – спрашиваю я, и взволнованный оператор отвечает мне кратким «да». – Красавчик! Горжусь и практически люблю этого парня! – смеюсь в микрофон, после чего обращаю внимание на Бабуленьку, которая в очередной раз смогла выбраться из бетонной ловушки. – Итак, у нас осталось всего два бойца, и, кажется, один все же сможет добиться желаемого и впервые займет первое место! А вот Внучку придется попрощаться со своей бабушкой, на которой, как мне кажется, он уже поднял неплохой капитал и которую наконец можно отпустить на заслуженную пенсию! – толпа смеётся вместе со мной.

«Этим свиньям нужны только зрелище и тупорылые шу-теечки, – думаю я. – Всем этим людям необходимо несколько часов в день, чтобы разгрузить свою голову, и я работаю в этой сфере и потому, что нравится, и по причине того, что я люблю наблюдать за тем, насколько низко человечество готово пасть! К примеру, сегодня мы узнали, что люди способны на все ради победы. Даже рисковать огромным количеством жизней, которые платят! Даже рисковать своей жизнью, лишь бы услышать в свой адрес «Гип-гип!» или что-нибудь типа того...» – прокручиваю в голове, наблюдая за началом столкновения двух быстрых и невысоких противников, которые удивляют живых своими убийственными кульбитами.

– Не знаю, каким образом, но Внучок умудряется успевать за Некросом! – произношу я – Вы только посмотрите! Он улавливает и отвечает на удары, поступающие в мозг Трупа-на, без задержек! – я с наслаждением смотрю за этим боем, в котором противники сражаются на равных, несмотря на все отличия. – А ведь у Некроса заканчивается время, и он сам это понимает, в связи с чем ускоряется и ускоряется. Теперь он все больше атакует, а не просто ждет удара, чтобы контр-атаковать. Кажется, если бы не бензопила, под действие которой он попал и потерял большую часть защиты, то мы никогда бы не увидели такого сражения!

Я в восторге, зрители тоже, а это значит, что все идет по плану.

– На Бабуленьке осталось несколько шматков кожи! Тру-

пан замедляется. Некрос выглядит совсем плохо! Внучок переходит в наступление! Удары-удары-удары... Они громко лязгают в холодосе и напоминают собой ужасную, устрашающую музыку, которая приближает нас к завершению! Кто кого одолеет – не известно!

Сказав это, я усмехаюсь от мысли: «Вот такой прекрасной может быть эстетика смерти! Прекрасной и ужасной».

– Ну что ж! Кажется, нас ожидает последний удар! – я знаю, о чем говорю, потому что подобные стойки просто так не занимают. – Джимми, ты готов заснять исторический момент?! – спрашиваю у оператора, и тот быстро качает головой, на которой расположилось мерзкое, по моим личным меркам, лицо, от одного вида которого хочется блевать.

– Да, готов! – отвечает он мне. – Ракурс выбран, и если хотите, можете вывести его на все экраны! Поверьте, вы не пожалеете! – он смеется, и я выполняю его просьбу и, действительно, ни единой секунды после не жалею об этом.

По окончании боев, наплевав на его косяк, связанный с камерой на плече, когда он ворвался на переговоры договорняка, помимо основной заработанной им суммы вкладываю в ладонь смачную котлету, после чего заключаю договор на использовании материалов в личных целях, в неограниченном количестве. Джимми подписывает и уходит.

А до этого я вывожу на экраны его видение последних секунд боя.

– Трупаны бегут навстречу друг другу и... удар! – озву-

чиваю я, наблюдая полет головы Бабуленьки над холодо-сом, ареной, над зрителями. – Офигеть! Она напоминает мне небольшую, но гордую птицу, что решила покинуть наш бранный мир!

На самом деле я озвучиваю совершенно другую мысль, просто цензуратор не знает, как увязать весь тот поток мата, который вырывается из меня.

– В следующем году, получается, у нас не будет номера два, потому что голова снята и, как мне кажется, никогда не найдется, а если и найдется, то будет непригодна для церемонии открытия! – не затыкаясь, говорю я. – Но это того стоит! Это шоу того стоит! Просто историческое событие! – моему возбуждению нет предела. – Видимо, Некрос пожертвовал всем для последнего удара, потому что, несколько раз дернувшись после своей явной победы, он свалился, и сейчас его пытаются откачать медики! Получится или нет, не знаю! В любом случае, я рад тому, что вы были с нами, со мной, видели это незабываемое шоу и были свидетелями прекрасной работы нашего оператора Джимми! – смеюсь я. – Увидимся в следующем году! Всем спасибо! Доброй ночи и... По старой традиции! Зрители, давайте со мной!

И все, кто наблюдал за сражением даже без бронированных окон, в поддержку меня и нашего мерзко-прекрасного мероприятия кричат: «Спокойной ночи» и... «Главное, не встретиться после смерти!»